

НИКОЛАЙ СКИБА

ЕГЕРЬ.
СИСТЕМНЫЙ
ЗВЕРОЛОВ

Егерь. Системный Зверолов

Николай Скиба

Егерь. Прилив. Книга 10

«Автор»

2026

Скиба Н.

Егерь. Прилив. Книга 10 / Н. Скиба — «Автор», 2026 — (Егерь. Системный Зверолов)

Воздух пахнет хвоей, вокруг - июльская тайга. Я егерь, знающий её как свои пять пальцев, иду на кабана. А потом, бац выстрел и темнота. Очнулся, а мне семнадцать лет. И зовут теперь Максом. И вот я в слабом теле этого больного парнишки, которого местные сторонятся. На моих руках - красные татуировки зверолова. Мне нужно поймать своего первого питомца, выжить и помочь семье. Освоиться в этом сумасшедшем мире. В мире, где люди прячутся за шаткими стенами, борясь за выживание, а леса полны магических тварей. Я научусь быть Звероловом и использую все свои знания. С моим опытом и «Звериным Кодексом» это не составит труда. Потому что лес - он везде одинаковый, его просто нужно читать. А это я умею лучше всего.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Николай Скиба

Егеръ. Прилив. Книга 10

Глава 1

Ранний рассвет застал на палубе. Солнце только выбралось из-за горизонта, разливая по воде медные полосы. Солёный ветер бил в лицо и забирался под ворот разодранной куртки, выдувая остатки дрёмы. Третий день в море.

Для человека, привыкшего чувствовать тайгу, здесь всё было неправильно. Палуба постоянно уходила из-под ног, сбивая хищный вестибулярный аппарат, а густая вонь соли, йода и гниющих водорослей намертво забивала обострённое чутьё. Океан был огромной слепой зоной.

Борт упирался в лопатки, палуба покачивалась в такт волнам. Тело ломило так, будто каждую кость вынули, прокалили в горне и вставили обратно — не совсем на место. Остатки Зверомора до сих пор ворочались внутри. Не причиняли боли, но и не давали забыть о себе, напоминая о том, во что я могу превратиться.

У моего бедра, свернувшись клубком на рыбацком тулупе, спал волчонок.

Маленький, тощий, с рёбрами, торчащими сквозь шкуру. Засохшая кровь на боку так и не отмылась до конца, хотя Стёпа дважды пытался оттереть мокрой тряпкой — въелась в подшёрсток бурым пятном. Намертво, стала будто частью сути. Кровь его стаи, которую Сайрак вырезал в лесу, не оставив ничего живого, кроме этого щенка. Я узнал об этом недавно, когда наша связь стала крепче.

Прибился он сам. В подлеске, вышел на нас с Ланой — дрожащий комок, ищущий пропитания. Он не скулил и не рычал — просто смотрел на нас круглыми глазами и ждал смерти, которая не пришла.

— Ну что, малыш? Как же тебя назвать, а? — прошептал я, улыбнулся и открыл его параметры.

Питомец: Волк Жизни.

Уровень: 4.

Эволюционный индекс: G.

Характеристики питомца:

Сила: 2

Ловкость: 3

Поток: 9 (основа)

Навыки:

Чувство скрытого (G) — питомец способен ощущать присутствие скрытого. Радиус и точность зависят от уровня развития.

Расплывчатое описание, бесполезный ранг, единственный навык без внятной боевой функции. Однако поток уже был на первом пороге, являлся основой, а вот ранг навыка — минимальный. Неужели поток развивает нечто иное? Физиологию тела? Такого я ещё не видел.

Ладно, мелкий. Потом разберёмся. Ты теперь мой и неважно, насколько ты полезен.

Красавчик шевельнулся за пазухой — тёплое тельце привычно вжималось под рёбра, и ладонь сама легла на горностая через ткань. Он коротко выдохнул и затих.

Над головой хлопнул парус, матрос на мачте крикнул что-то рулевому. Обычное утро на торговом судне, если не считать стаю хищников, дремлющих в потоковом ядре.

Через связь тянуло усталостью, тяжестью, тупой ноющей болью от ран, которые под действием зелий уже затянулись, но... Арена всё равно забрала у всех слишком много.

Стае нужен был воздух.

Афина материализовалась первой — огромная и полосатая. Доски застонали под весом тигрицы, когда она опустилась на палубу, и матрос, тянувший канат в десяти шагах, отшатнулся к борту, выронив верёвку. Тигрица не обратила внимания — повела мордой, принюхиваясь к морскому воздуху, потом заметила волчонка.

Подошла и основательно, не торопясь, обнюхала. Мокрый нос ткнулся в бок щенка, потом в загривок и в морду.

Волчонок проснулся и опрокинулся на спину, задрал лапки. Из горла вырвался тонкий скулёрж — полная капитуляция.

— Грррр, — Афина дёрнула ухом, развернулась и легла в полуметре от него, положив массивную голову на лапы. Тёплая стена из мышц осталась рядом. Через связь от неё шло ровное и спокойное: *свой, маленький, не трону*.

Карц появился следом — двуххвостый лис, белое пламя которого тлело на кончиках хвостов. Наклонил голову, принюхался к волчонку. Тот перестал скулить, поднялся на трясущиеся лапки и зарычал.

Рык вышел жалкий — скорее писк, но намерение читалось чётко: не подходи. По связи от Карца пришла короткая вспышка удивления, а следом — образ: оскаленный нелепый щенок. И рядом ощущение: *дерзкий, уважаю*. Лис тряхнул мордой и ушёл к мачте, где улёгся на нагретые солнцем доски, прикрыв нос хвостами.

Старик даже не встал. Росомаха лежала у основания мачты, демонстративно повернувшись задом к остальным. Массивная голова на скрещённых лапах, один глаз приоткрыт — следит за периметром по привычке, но к щенку не повернулась ни разу. *Чужаков в стае не принимаю, разговор окончен*.

Ладно, дед. Тебе нужно время — будет время.

Актриса появилась последней — моя элитная убийца.

Приземлилась на бухту каната в трёх метрах от волчонка и замерла. Просто сидела, прищурив глаза цвета грозового неба. По связи от неё шло не любопытство, а ноющая тоска.

Рысь смотрела не на волчонка, взгляд тянулся мимо, через палубу, к носу корабля, где отдельно от всех сидел её брат. Через секунду Актриса отвернулась и принялась методично вылизывать лапу. Хвост рвано стучал по канату.

А потом к волчонку подбежал Красавчик.

Горноста́й вынырнул из-за пазухи, соскользнул по штанине и подкатился к щенку — белый комок на четырёх лапках, усы торчком, нос мокрый. Обнюхал волчонка, обежал вокруг, повёл усами.

Волчонок замер и уставился на Красавчика, не мигая. Чёрные щенячьи глаза впились в горноста́я с такой интенсивностью, от которой мне стало не по себе.

Щенки так не смотрят.

Щенки вертятся, нюхают, кусают, падают. Этот — пристально смотрел, будто загипнотизированный чем-то, что видел только он.

Красавчик дёрнулся всем телом и метнулся ко мне. Забрался за пазуху и вжался в рёбра. Маленькое сердце часто колотилось сквозь ткань куртки.

— Эй, ты чего? Он же маленький, — я улыбнулся. — Как и ты.

Горноста́й не ответил, только забился глубже, скребя коготками по рубахе.

Волчонок проводил его взглядом, потом медленно подошёл и почему-то начал обнюхивать мою правую ногу. Мокрый нос ткнулся в ткань штанины. Нюхал долго, сосредоточенно, возвращаясь к одному и тому же месту снова и снова.

Я нахмурился, наблюдая за ним. Щенки точно так себя не ведут. Обычный молодняк суетится, падает на пузо, изучает мир рывками. Этот же сканировал меня. «Чувство скрытого»,

значит. Он вынюхивал не мой пот. Скорее ввевшуюся в мои кости Тьму или остаточную вонь дракона.

Я мягко, но непреклонно отодвинул его морду ладонью.

— Хватит, приятель. Там ничего хорошего нет.

Щенок послушно сел и уставился на меня своими чёрными бусинками. Странный зверь. Нужно будет присмотреться к нему внимательнее.

Я перевёл взгляд на корму.

Там, в тени от натянутого брезента, Стёпа точил копьё. Нога была в порядке. Он перебрасывался шутками с матросами — что-то про солёную рыбу и чью-то жену — и те ржали, хлопая себя по коленям. Мой друг смеялся вместе с ними, но большой палец правой руки мерно поглаживал наверх, не останавливаясь ни на секунду.

Из всех людей рядом Стёпа единственный, кто ни разу не задал вопрос «зачем мы это делаем». Просто потому что для него ответ очевиден. Вожак идёт, стоя идёт. Простой парень с простым копьём, которому можно доверить спину без колебаний.

Палуба в очередной раз ухнула вниз, и меня чуть не опрокинуло на спину.

Сидеть с питомцами хорошо, но нужно было проверить, как там остальные. Оставлять людей наедине со своими мыслями после такой мясорубки — плохая идея.

Я направился к кормовой надстройке, где располагались узкие пассажирские каюты. Внутри царил полумрак, натужно скрипели деревянные переборки, а воздух казался спёртым.

Проходя по тесному коридору, заметил приоткрытую дверь в каюту Ланы.

Девушка спала, свернувшись калачиком на узкой койке, и прижимала к себе ножны отцовского меча, обхватив обеими руками. Тяжёлый клинок Вальнора был рассчитан для его размеров, но она вцепилась в сталь. И лицо во сне было спокойным.

Рука потянулась поправить сползший плащ, но вместо этого пальцы сжались в кулак, и я вышел, закрыв дверь с тихим щелчком. Не время.

В самом конце коридора, в крохотной каюте, сидел Григор. Великан занимал почти всё свободное пространство. Он держал топор на коленях и методично строгал щепку ножом — стружка падала на доски пола ровными завитками.

В углу, прикованный к медному кольцу в стене, скорчился Моран — бывший Друид Тени.

Теперь просто человек со связанными руками и мёртвым взглядом. За два дня он похудел, серая кожа обтянула скулы, и без тёмной силы хозяина в нём не осталось ничего, кроме оболочки.

— Ну и как? — спросил я.

— Он сломан, Макс. — Григор не оторвал глаз от щепки. — Внутри. У тебя не выйдет поговорить с ним и узнать, что хочешь.

Посмотрел на Морана. Ненависть? Злость — за Мику, за арену, за всё? Нет. Почувствовал только брезгливую, кислую жалость — к раздавленному насекомому, которое ещё шевелит лапками. Отшельник продолжал строгать, нож ходил мерно, ровно, и в этом ритме я читал терпение человека, который всё ещё надеялся что-то изменить.

Оставлять Григора с пленником было безопасно, поэтому я покинул душный коридор и выбрался обратно на палубу, шурясь от слепящего солнца. С жадностью вдохнул морской ветер, выветривая из лёгких тяжесть кают.

У фальшборта, подставив лицо брызгам, сидел Раннер. Ника, укутанная в его плащ, дремала на плече гладиатора.

Инферно лежал у ног хозяина, золотая шкура поднималась и опускалась в ритме тяжёлого сна. В гриве льва серебрились новые пряди — раньше чистое золото, теперь золото с серебром. Куски Раннера, которые остались в звере после Единения на арене. Он именно так это называл.

Гладиатор поймал мой взгляд без улыбки или привычной развязности. Держал кружку с водой двумя руками, хотя она была почти пустая.

— Не спрашивай пока. — Губы едва шевелились, чтобы не разбудить Нику. — Сам не до конца понимаю, что делать.

Я лишь молча кивнул. Разговор будет, но не сейчас, пока девчонка спит.

Обойдя грот-мачту, наткнулся на Барута. Торговец, сторбившись, сидел на свёрнутом канате, безучастно глядя на пенистый след за кормой.

— Ну ты как, дружище? — спросил я. — Скоро приплывём.

— Знаешь, а я ведь оказывается совсем не трус, Макс. — Он не повернулся. Лишь задумчиво смотрел на волны. — Но вот что я скажу тебе. Едва у меня появился боевой питомец, как я тут же лишился его.

Я не стал спорить и просто сел рядом.

— Ты знаешь, зато у тебя есть Шорох. Я верил в твою победу в гонках. Он сильно вырос, с тех пор как я последний раз проверял его. Обычный зверёк так не растёт.

Барут молчал. Ветер трепал его потемневшие, немывые, слипшиеся от морской соли волосы.

— У меня есть... — продолжил я. — Назовём это чутьём. Так вот, у Шороха огромный потенциал. Своего рода удача в его навыках. Потенциал, который другие не видят. Способность находить самородки среди обычных камней. Он не просто может определять, он может и искать!

Барут усмехнулся. Уголок рта дёрнулся и тут же опустился.

— Да я знаю это.

— Что? — я на секунду опешил.

— Макс, я же тоже изучаю своих питомцев. Вообще-то это моя работа. — Он повернулся ко мне. — Фукис уникальный, именно его способности позволили так быстро развить торговлю.

Ветер хлопнул парусом. На корме громко засмеялся Стёпа.

— То, что Шорох может найти настоящие самородки — не новость, Макс. Просто большинство людей не умеют смотреть. А ты научил когда-то чувствовать их. И я научился.

Барут медленно разжал пальцы, будто отпускал чью-то руку.

— Грифон был другим. Он и был-то всего пару дней у меня. Знаешь, как его жалко? Будто я купил его, чтобы он погиб.

Я не нашёл слов. Положил ладонь ему на горячее от солнца плечо. Торговец не отстранился.

— Всё нормально, Макс. Это вообще чудо, что мы оттуда выбрались. Если бы не твой... Зверомор и Альфы, Григор... Чёрт, да там столько всего было.

— Это точно. Слушай, я тебя не осуждаю, Барут.

— Ещё бы ты осуждал, — хмыкнул парень и хлопнул меня по плечу. — Нормально. Слушай, — он кивнул, — ты действительно хочешь заняться созданием своего собственного... Кхм... Государства?

— Ну, не государства, — я усмехнулся. — Но мы точно этим займёмся, причём в ближайшее время.

— Может он поможет? — кивнул Барут в сторону.

Я повернул голову. На носу второго корабля легко было разглядеть тёмный силуэт на фоне слепящего неба — Нойс с мантикорой у ног. Стоял и молчал. Смотрел на юг, и ветер трепал его короткие волосы.

— Может быть, — ответил я и пошёл к самому носу нашего корабля. Туда, где отдельно от стаи и людей сидел Режиссёр.

Тело стало крупнее, мускулатура плотнее — это бросалось в глаза даже на расстоянии. Но главное — глаза. Серебристые, с глубиной, которой раньше не было. Глаза существа, пере-

жившего пробуждение. Ветер трепал серебристую шерсть, но рысь сидела неподвижно, и чайки облетали её стороной.

Я сел на мокрые доски, солёные брызги били в лицо.

Связь с Режиссёром работала, но по-другому. Раньше существовали приказ и отклик. Теперь между нами тянулась только тонкая, упругая нить пакта. И всё.

Рысь повернула голову и передала мне мыслеобраз. Тепло благодарности и твёрдость верности. Широкий, бесконечный простор свободы.

Я с тобой. Но я не твой.

Горькое чувство. Один из первых питомцев, стратег, друг, но больше не мой. Однако он здесь и пойдёт за мной, потому что хочет, а не потому что должен.

Актриса смотрела на нас через всю палубу и прижала уши. Она — питомец, а он — Альфа. Близнецы, но между ними теперь пропасть.

Я отметил этот взгляд. Придётся работать. Но не сейчас — сейчас у меня был разговор поважнее.

Оставив Альфу Ветра на носу, направился к главному грузовому люку.

Спускаться по скрипучему трапу в глубокий трюм было некомфортно. Здесь пахло дёгтем, сыростью и сухим жаром.

Альфа Огня лежал на боку, занимая едва ли не треть свободного пространства между балластными камнями и штабелями пустых бочек. Когда мы грузились на корабль, моя прагматичность вопила благим матом: сажать Альфу из чистого пламени внутрь деревянной посуды казалось форменным самоубийством.

Но Тигр идеально контролировал свою суть. Пламя, лижущее его шерсть, не излучало губительного жара наружу. Он втягивал температуру в себя, так что даже старые, разохшиеся доски под его тушей не темнели и не тлели.

Режиссёр беззвучно спустился следом, сел у подножия трапа и замер. Где-то наверху кашлял матрос, скрипели снасти, а волны монотонно били в борта.

Тигр не поднял головы, когда я подошёл вплотную.

— Мика.

Огромный зверь закрыл глаза. Тяжёлые веки опустились медленно.

— Да.

Пауза повисла в горячем, душном воздухе трюма.

— Альфа Жизни пряталась в жабе мальчика, — сказал тигр. — Всё это время. Годы. А я...

Золото за радужкой вспыхнуло коротко и погасло.

— Я Альфа Огня. Первородный. Прожил в этом мире сотни лет. Чувствую стихийную энергию за сотни шагов. — Каждое слово давалось ему с усилием. — Должен был увидеть. Должен был почувствовать сестру. Она была рядом — в маленькой жабе. И я не заметил. Не знал, что угрозой был Сайрак.

Тигр опустил голову ниже. Лапы подобрались под тело, уши прижались — огромный зверь, пытающийся стать меньше. Кончик хвоста обернулся вокруг задней лапы, и от этого жеста мне стало тяжелее, чем от любых слов.

— Нашёл бы раньше — мальчик был бы жив. Я сделал бы это сам. Аккуратно и безопасно.

Тигр открыл глаза. Огонь в них стал жидким, неустойчивым.

— Вместо этого — мальчик мёртв. Потому что я был слеп. Потому что сотни лет в этом мире притупили то, что должно было оставаться острым. Я привык. К слабости, к маскировке, к тому, что не тот, кем был в Чаше. И из-за этой привычки ребёнок сгорел.

Скрип дерева. Глухие удары волн в борт. Далёкие крики чаек и голос капитана Хорста наверху, отдающий команду.

— Он не сгорел, — холодно сказал я. — Он выбрал. Мика знал, что делает. Шагнул в свет не потому, что ты недоглядел, а потому что решил: жизнь сестры и наши жизни стоят его собственной. Так поступает вожак.

Я сделал паузу.

— А ты облажался, Альфа. Это факт. Сотни лет спокойной жизни сделали тебя слепым. И я тоже облажался — потому что не защитил своего человека. Но я не собираюсь размазывать соплю в одиночку. Хватит и на двоих. И у нас впереди разговор. Вы обещали рассказать.

Уголок пасти дрогнул. Тигр опустил голову на лапы.

— Да, Макс, нам нужно поговорить. О Расколе, о Сайраке, о том, что надвигается. О нашем доме — Чаще. Обо всём. Но не сейчас. Дай мне день. Мне нужно прожить ещё день, прежде чем говорить о будущем.

Я кивнул. На выходе обернулся.

— Его пёс наверху. Шовчик. Не ест и никого не подпускает. Ждёт хозяина, который не вернётся. Завтра вы мне всё расскажете, Альфы. Потому что теперь ваша сестра спряталась в девушке. С этим нужно что-то сделать.

Тигр не ответил. Жар за его зрачками задрожал сильнее.

На палубе солнце резануло мне по глазам после полумрака трюма. Красавчик выбрался из-за пазухи и ткнулся мокрым носом в щёку. Я провёл ладонью по его спинке и перевёл взгляд к Нике.

Девочка всё ещё дремала, укутанная в плащ Раннера. У её ног лежал Шовчик. Тусклые глаза — он не спал, просто лежал и смотрел в одну точку. Уши поворачивались на каждый звук шагов по палубе, но голова не двигалась.

Арена стояла перед глазами.

Когда я пришёл за ним, Шовчик рвался к руинам, к телам, к тому месту, где в последний раз чувствовал хозяина.

Я держал загривок, его лапы упирались в камни, а пёс всё скулил. Даже не рычал — просто тянул и тянул обратно, туда, где Мика растворился в зелёном свете. Мне пришлось нести его на руках последние сто метров до причала — тридцать килограммов воющего горя.

На корабле он забился в угол трюма. Не ел, отказывался от воды. Мне пришлось силой разжимать ему челюсти и вливать воду из фляги, иначе от обезвоживания на морской жаре он бы сдох ещё вчера. Он даже не огрызался — просто терпел, как пустая оболочка.

А потом проснулась Ника, и Шовчик впервые поднял голову. Вышел из трюма, подошёл к девочке, обнюхал руки, ткнулся мордой в ладонь и лёг у её ног. С тех пор не отходил. Потому что Ника пахла хозяином. Альфа Жизни внутри неё несла отголосок мальчишки-лекаря, и волкодав это чувствовал. Держался за этот запах.

Мне не удалось приручить его. Я протягивал руку — Шовчик отворачивался, отодвигая морду.

У Шовчика был хозяин, есть хозяин. Мика. Пока Мика не вернётся — пёс ничей. Барут пробовал — тот же результат. Григор даже не пытался: «Зверь в трауре, не лезь». Раннер был единственным, кого волкодав терпел рядом — но и к гладиатору не ластился. Просто не уходил.

Третий уровень. Пёс водной стихии. Бесполезен в бою, слаб и не приручен, но бросить его невозможно. Всё, что осталось от лекаря. Но в моей голове ворочались сумасшедшие мысли.

Ника положила руку на голову волкодава во сне. Тонкие пальцы девочки легли между ушей, и Шовчик закрыл глаза.

А потом она проснулась.

— Макс! Вот оно! — Раннер окликнул меня.

Ника открыла ясные, здоровые глаза. Щёки розовые, кожа чистая, чёрные вены исчезли без следа. Слишком хорошо для ребёнка, который неделю назад умирал — подозрительно хорошо.

Тело девочки вспыхнуло.

Зелёный свет ударил изнутри — сквозь кожу. Ника схватилась за грудь обеими руками, скрючилась и зашипела сквозь зубы. Лицо побелело, на лбу выступила испарина. Шовчик рядом вскочил и заскулил — попытался лизнуть ей руки, ткнуться мордой в лицо. Три секунды — и свет погас.

— Третий раз за два дня, — процедил Раннер.

Внутри этой девочки сидел огромный древесный дракон. Существо, запертое в теле восемнадцатилетней девчушки. Режиссёр подошёл и передал мне мыслеобраз: яркий зелёный сгусток, втиснутый в стеклянный шар, покрытый трещинами. Давление нарастает.

— Она же не умрёт? — спросил я у Альфы Ветра.

В ответ в голове послышался голос тигра.

— Если не найдём решение — умрёт. Дай нам время, мы вытащим нашу пугливую сестру.

Я посмотрел на Нику, которая уже улыбалась Раннеру и болтала о чём-то — спокойная, весёлая, ни следа боли на лице. На блондина-гладиатора, который улыбался в ответ и веселил девушку, делая всё, чтобы она пережила потерю брата.

Вскоре ветер сменился.

Открытое море кончилось — корабль вошёл в узкий пролив между скалами, и мир вокруг изменился.

Чёрный обугленный камень поднимался по обе стороны, срезая половину неба. На уступах росли деревья с серебристой корой, изогнутые под невозможными углами, почти без листвы. Дышать стало тяжелее — матросы сбавили голоса, рулевой вцепился в штурвал обеими руками, хотя ветер почти стих.

Вода изменила цвет. Синева открытого моря сменилась свинцовой чернотой, волны двигались вязко, и отражения в них уходили слишком глубоко.

Стая напряглась. Низкий глухой рык Афины прокатился по палубе. Карц прижал уши, белое пламя на хвостах вспыхнуло ярче. Старик поднялся на лапы. Волчонок заскулил, снова утыкаясь носом мне в ногу.

Под килем прошла тень — длиннее корабля, может, раза в полтора. Палуба качнулась — нечто протащило своё тело в метре под днищем.

Доски завибрировали, на столе в каюте капитана звякнула посуда. Тень всё скользила — от носа к корме, потом обратно.

На палубе стало тихо. Ни разговоров, ни смеха, ни скрипа канатов — только плеск воды о борта и собственное дыхание.

Раздался тяжёлый хлопок кожи о воздух, и возле меня с глухим стуком приземлилась мантикора. Она перемахнула расстояние между нашими кораблями одним затычным прыжком.

Нойс легко спрыгнул на палубу. В его глазах не было тревоги — он знал, с чем имеет дело.

— Добро пожаловать на Южные острова. — сказал гладиатор ровным голосом, обращаясь ко всем сразу. — Не дёргайтесь. Нас просто проверяют.

Глава 2

Город Семи Хвостов вырастал из чёрных скал, ярус за ярусом, и первое, что ударило по ноздрям — запах. Нет, скорее с десятков запахов спрессованных в густую волну: сера, морская соль, жареное мясо, кислотный привкус яда и нагретый камень. Запах города, построенного на костях тварей.

«Морская Волчица» вползла в гавань — осторожно, будто капитан судна Хорст боялся зацепить килем что-нибудь живое на дне. И, судя по тому, что шевелилось под чёрной водой бухты, боялся не зря. Рулевой, молчаливый парень с яркой татуировкой на плече, держал штурвал побелевшими пальцами. Команда — двенадцать матросов, нанятых в Оплоте Ветров (которые с удовольствием свалили с разрушенного города) — работала молча, без обычных перебранок, поглядывая за борт.

И тень, которая вела корабли, исчезла.

— Что это за тварь была под нами? — спросил я Нойса.

— Приезжим знать не обязательно, — с каменным лицом ответил гладиатор.

Гавань была вырублена в скале — полукруглая, с тремя каменными пирсами, уходящими в воду, и волнорезом из гранитных блоков. У причалов стояло с десятков судов — торговые баркасы, две военные галеры с тараном на носу и чёрными парусами, низкая шхуна с клетками на палубе. В клетках шевелилось что-то чешуйчатое.

Не успела «Волчица» коснуться бортом причала, как с пирса зашагали трое.

Двое — портовые стражи. Кожаные доспехи, усиленные пластинами из тёмного хитина, на поясах — короткие мечи с зазубренными лезвиями. Загорелые, жилистые, со шрамами на открытых предплечьях. Двигались уверенно и широко — люди, привыкшие, что им уступают дорогу.

Третий — укротитель. Это я понял сразу, потому что рядом с ним на толстой цепи шёл зверь.

Не знакомый — ничего подобного на нашем континенте не водилось.

Тело ящерицы, но вертикальное, на двух задних лапах, передние — короткие, с тремя когтями каждая. Морда вытянутая, усеянная костяными наростами, пасть приоткрыта — в ней блестели два ряда зубов, загнутых внутрь. Хвост был толстым, мускулистым, с шипастым набалдашником на конце. Тварь была ростом с человека и воняла тухлым яйцом.

Дрейк. Уровень 28. Эволюционный индекс — Е.

— Это дрейк, — сказал Нойс, стоя рядом со мной на палубе. — Сторожевая тварь. Не опасна, пока хозяин держит цепь.

— А если отпустит?

— Сожрёт всё, что движется, за три минуты. Включая хозяина, если слаб.

Укротитель поднялся по сходням и окинул палубу цепким взглядом. Остановился на Афине, которая лежала у мачты. Дрейк рядом с ним натянул цепь и захрипел — тварь чувствовала чужую стаю и нервничала.

— Кто такие? — спросил укротитель. Голос хриплый, с южным акцентом. — Откуда звери? Разрешение на провоз?

Нойс шагнул вперёд. Молча закатал рукав и показал внутреннюю сторону предплечья. Там, среди старых шрамов, темнела татуировка — семь переплетённых хвостов, выбитых чернилами, которые со временем вросли в кожу.

Укротитель замолчал.

Стражи переглянулись.

— Подожди, ты просто новенький. Нойс? — спросил один из них, присмотревшись. — Это ты? Чёрт, живой!

- Живой, — подтвердил гладиатор.
- Тебя столько не было. Думали — сдох на континенте.
- Не сдох. Привёл гостей.

Укротитель посмотрел на Афины. Потом — за корму, где на втором корабле дремал Альфа Огня, который перебрался туда, едва мы подобрались к гавани. Тигра не было видно, но жар от его тела заставлял воздух дрожать над палубой, и любой, кто хоть раз работал с тварями, чувствовал это давление.

- Это что — стихийный зверь? На корабле?
- Много стихийных зверей, — поправил я. — И Альфы.

Дрейк заскулил и попятился, натягивая цепь. Укротитель рефлексивно положил руку на рукоять меча, но не достал.

— Альфы, — повторил он, глядя на Нойса так, будто тот сообщил о приближении тайфуна.

— Угу. Две. Огня и Ветра. Они не агрессивны, пока рядом вот с этим парнем, — гладиатор кивнул на меня. — Но я бы не подходил близко.

- И с чего бы нам пропускать такую непредсказуемую компашку, а?
- Я убил Крагнора. Они помогли. Им можно на Юг, — пожал плечами Нойс.
- Крагнора? — выдохнул один из стражников. — Ты серьёзно?
- Да. Он мёртв, — холодно подтвердил Стёпка и шагнул вперёд. — Лично всадил в него копье. Друид сдох на наших глазах.

Укротитель переварил информацию и медленно убрал руку с оружия. Повернулся к стражам:

- Пропустить. Если Нойс ручается — значит, ручается. Но ты знаешь, что будет, гладиатор, ведь так?
- Проблем не доставим. Король прибыл?
- Король в столице. Жарко там в Оплоте было. Ходят слухи, его чуть не убили. Это правда?
- Вот у короля и спросите, — ответил Нойс.

Стражи переглянулись, кивнули и отступили. Дрейк продолжал скулить, пока хозяин резко не дернул цепь — тварь замолчала, прижав уши к черепу.

Я заметил, что местные даже не удивились Альфам в нашей компании — будто для них это был обычный день, и такие гости заходят постоянно.

Интересное место. Сказал бы даже — суровое.

Хорст спустил сходни, и разгрузка пошла быстро. Капитан торопился — хотел убраться до темноты.

— Мы будем ждать здесь, Зверолов, — сказал он, пожимая мне руку. Ладонь была грубая, в мозолях. — Мои ребята торговцы, не солдаты. Вот тут, — он ткнул пальцем в небо, где над городом кружили три крылатые тени, — раз тут такое, то глубже ещё страшнее. Так что завалимся в таверну и будем пить в три глотки. Продадим наш товар. У нас ведь три дня?

— Может больше. Спасибо, Хорст, всё нормально, мы ведь так и договорились. Думаю, здесь мы сделаем всё, что нужно. Но на всякий случай скажу — не вздумайте стырить корабль, — сказал это с улыбкой, и капитан нервно рассмеялся.

— Стырить корабль у вас? Нет, Зверолов, мы не самоубийцы.

Я взглянул наверх. Эти кружащиеся тени, которые напрягали Хорста, были взрослыми вивернами четвёртой ступени. Размах крыльев — метров шесть, чешуя красно-чёрная, из ноздрей периодически вырывались язычки пламени. Видимо патрульные — они кружили над городом кольцами — на их спинах сидели всадники.

— Ну... — вдруг громко сказал Стёпка и хохотнул. — Ради такого стоило выжить. Вот это место, просто чума!

Альфа Огня ступил на каменный пирс последним. Грузчики, таскавшие мешки с ближайшего баркаса, побросали работу и отшатнулись. Один выронил ящик, и тот раскололся, рассыпав по камню сушёную рыбу.

Но никто не побежал, не закричал и не схватился за оружие.

— Портовые — народ тёртый, — поведал Нойс.

Они смотрели на Альфу с тем сдержанным уважением, с которым опытный охотник смотрит на хищника, которого не может убить, но с которым готов разминуться, если повезёт.

Нойс оценивающе посмотрел на нашу разношёрстную компанию. Потом его взгляд остановился на отшельнике, который одной рукой держал топор, а другой — цепь Морана.

— Тащить пленного через весь город — плохая идея, — хмуро бросил Григор. — Нам бы пересидеть.

— Да, — кивнул гладиатор. — Здесь не любят чужаков, а пленников могут и камнями закидать, не разбираясь. Эй ты!

Один из портовых работяг поднял голову.

— Да, иди сюда. Проведи человека к моему дому, по «Крысиной тропе» в обход рынка. Пять медяков заработаешь.

Нойс выудил из кармана тяжёлый железный ключ и кинул его великану.

— Григор, иди с ним. Запри Морана в подвале, там крепкая клетка есть.

Великан молча кивнул, поймав ключ на лету. Рывком дёрнул цепь, поднимая Морана на ноги, и, не прощаясь, зашагал вместе с сопровождающим.

— Так спокойнее, — кивнул Нойс.

Я смотрел вслед уходящему Друиду Тени и размышлял. Была лишь одна причина, по которой поглотил его Потокое ядро. В тот момент я вспомнил, как он призвал Радонежа и Карца, и на краю сознания мелькнула мысль. А смогу ли я как-то вернуть Мику? Но сейчас понимал, что это маловероятно, хотя... Нужно поговорить с Альфой Жизни, а эта тварь спряталась и не вылезает. И даже Режиссёр и Альфа Огня над этим не властны.

— Куда теперь? — голос Ланы оторвал от мыслей.

— Нойс, покажи нам всё, — сказал я. — Моим зверям нужно расти. Для этого нужно понимать, где мы оказались, чем тут дышат и на чём стоят. Где можно поохотиться. Парочке нужно пройти эволюцию.

Южанин помолчал. Мантикора рядом с ним грузно переступила лапами. Потом гладиатор усмехнулся и кивнул.

— Эволюция... Да, у вас же всё по-другому. Ладно, идём.

Пока вся наша команда неторопливо шла в сторону города, гладиатор Юга рассказывал нам то, что знал.

Город Семи Хвостов получил имя от семи тварей, которые когда-то — давно, в эпоху основания — были главными врагами первых поселенцев. Семь хвостатых бестий, населявших окрестные территории. Нойс перечислял их, пока мы поднимались по каменным лестницам от гавани к нижнему ярусу, и голос его звучал ровно — экскурсовод, рассказывающий привычную историю.

Мантикора — хвост скорпиона, яд мгновенного действия. Водились в скальных гнёздах к юго-западу.

Виверна — ядовитый шип на конце хвоста, плюс огненное дыхание. Гнездились в вулканических расщелинах на южном архипелаге.

Василиски ползали в подземных пещерах под островами.

Химера — змеиный хвост с собственным сознанием и отравленными клыками. Появлялись из Раскола волнами, во время Приливов.

Дрейк — тот самый прямоходящий ящер со сторожевого поста. Хвост-булава с шипами, один удар ломает хребет лошади. Обитали стаями в мангровых зарослях на восточном побережье.

Грифонокраб — панцирное существо с клешнями из породы и хвостом-серпом, который рассекал рыбацкие сети и лодки. Жили в прибрежных водах.

И Скорпикор — паукообразная тварь с сегментированным хвостом и жалом. Плели ловчие сети в руинах старого города на северном мысе.

— Семь хвостов — семь территорий охоты вокруг города, — закончил Нойс. — Каждая территория — ареал обитания одного из семи. Укротители ходят на охоту по расписанию, в составе групп. Есть специальные школы-питомники, выполняющие заказы кланов на охоту и укрощение. Бывает ловят истинного Зверя Духа. Ну а одиночки почти не возвращаются.

— Истинного зверя духа? — спросила Лана, которая шла рядом со мной. На её лице впервые за три дня пробудился интерес.

— Мы отличаемся от вас, — кивнул Нойс. — Моя Урвия — мой питомец духа. У Звероловов Юга такой питомец может быть только один, и мы обязаны выбрать и поймать зверя в определенный период жизни. Это называется Зов.

— И всё? — я удивился. — А стая?

— Нет... После Зова... Всё работает иначе. Появляются отголоски.

— Те способности, — задумчиво протянул я. — Которые ты использовал на арене. За твоей спиной появлялись аватары зверей. Это и есть отголоски?

— Я не расскажу вам больше. Даже несмотря на то, через что мы прошли. Вы пришлые.

— Юг — закрытое королевство, — вставил Раннер, ведя Нику под руку. — Они не рассказывают своих секретов.

— Ну хорошо. А кроме семи тварей у вас тут больше никого не водится? — спросил Стёпа, шагавший рядом. Копьё на плече, глаза щурились от солнца.

— Кроме семи — ещё десятки видов. Кракелюры — мелкие летучие ящерицы. Жгучие медузы, которых прибоем выбрасывает на берег — один шупалец парализует руку на сутки. Костяные черви, зеркальные змеи, пещерные пиявки ростом с собаку, присасываются к спящим и высасывают кровь за ночь. Панцирные жуки. Глубинные удильщики. Рифовые гаргульи. Дымчатые гидры, но те приходят только в сильные Приливы. В общем... Выбирайте любую, их очень много.

Стёпа присвистнул.

— Весёленькое местечко.

— Здешний Раскол другой, — продолжил Нойс, не меняя тона. — На вашем континенте из трещины сочится энергия. Она меняет обычных зверей — наделяет стихийной силой. Медведь остаётся медведем, просто магическим.

Он остановился на площадке, откуда открывался вид на южный горизонт. Море до горизонта было чёрным, с редкими белыми гребнями. И далеко-далеко, на самом краю видимости — тусклое багровое свечение, едва заметное при дневном свете.

— Здесь — по-другому. Из нашего Раскола лезут сразу готовые твари. Чужеродные, агрессивные и ни что не похожие. Мантикоры, виверны, василиски — вся эта фауна не эволюционировала на островах. Она приходит оттуда. Каждый Прилив — новая волна. Иногда слабая, десяток мелких тварей. Иногда... — он не закончил, но по тому, как его пальцы сжались на загровке мантикоры, можно было домыслить.

— Когда последняя волна была? — спросил я.

— Больше года назад. Слабая. Потеряли человек двенадцать.

— А сильная?

— Сильная — это тысячи. Но нам везёт. Раскол находится в море, и атакующие распределяются на все острова, а сами твари не всегда бьют по городам.

— Почему? — удивилась Лана.

— Потому что их мало лезет. Они просто разбредаются по территориям и живут.

— Да уж, — я покачал головой. Пока что слабо представлял себе полную картину, но одно ясно — Прилив Юга — это не обязательно нападение и жертвы.

Пока мы поднимались, перед нами разворачивался город.

Нижний ярус — портовый, торговый. Склады из чёрного камня, таверны с низкими потолками, мастерские по обработке хитина и чешуи. Запах здесь стоял густой — прогорклый жир, кислота от вываренных ядовитых желёз, сырая кожа. Грузчики таскали ящики с мелкими клетками — детёныши скорпикор, которых грузили на шхуну для отправки на другие архипелаги.

Кто-то выполнил заказ на отлов. Торговля тварями. Экспорт.

Клетки покрупнее стояли вдоль стен складов — в них сидели звери побольше: молодые виверны со связанными крыльями, дрейки в намордниках, пара химер в усиленных клетках из двойного металла.

Очередные заказы для укротителей с других островов. Бизнес.

На среднем ярусе жили люди.

Каменные дома, плотно прижатые друг к другу, с узкими улочками между ними — двоим не разойтись. Тяжёлые двери с засовами. Но не так уж и мрачно — на подоконниках стояли горшки с какими-то синеватыми цветами, от которых пахло мятой и перцем. На верёвках между домами, протянутых через улицу, сушилось бельё. Откуда-то доносился детский смех и стук деревянных мечей.

Из переулка выскочил пацан — лет десяти, босой, загорелый дочерна, с боевым ножом на поясе. За ним на верёвке бежала мелкая тварь размером с кошку. Скорпикор-подросток: хитиновый панцирь ещё мягкий, лапки тонкие, жало на хвосте крохотное. Тварь перебирала лапами, стараясь не отстать от хозяина, и забавно подпрыгивала на ступенях.

Пацан затормозил, увидев нас. Точнее — увидев Афины. Тигрица шла рядом со мной, и в узкой улочке её полосатый бок почти касался стен. Мальчишка уставился на неё, открыв рот. Скорпикор на верёвке тоже замер и прижался к ноге хозяина.

Потом пацан перевёл взгляд дальше — на Режиссёра, который шёл позади. И на Альфу Огня, от которого воздух над мостовой подрагивал маревом.

Мальчишка не испугался. Глаза расширились, рот приоткрылся — но не от страха. От того особого детского потрясения, когда видишь что-то настолько невозможное, что мозг отказывается верить.

— Э-это кто такие сильные? — выдохнул он, глядя на меня. Голос звонкий, подбородок задран. Гордый парнишка, не заискивался. — Настоящие?

— Настоящие.

— Все?

— Угу.

Пацан посмотрел на своего скорпикора. Потом обратно на Альфу Огня. Сравнил масштаб. Прищурился — и вдруг широко и дерзко улыбнулся:

— А мой Рэкс тоже станет большим. Больше твоего тигра. Вот увидите.

Скорпикор поднял крохотное жало и воинственно защёлкал клешнями.

Стёпа за моей спиной сдавленно хрюкнул. Лана отвернулась, пряча улыбку.

— Может быть, — сказал я серьёзно.

— Проваливай, — Нойс махнул рукой.

Пацан скосился на гладиатора, потом посмотрел на меня и с достоинством кивнул, будто получил совет от генерала. Затем дёрнул верёвку и умчался вверх по лестнице. Рэкс засеменил следом, скользя по камню хитиновыми лапками.

Нойс вёл нас вверх по лестницам. На нас оглядывались. Чужаки с континента, да ещё с целой стаей незнакомых зверей. Тут таких не жалуют.

На середине подъёма лестница вывела на широкую площадку, открывавшую вид на нижний ярус города. Внизу, в естественной впадине между скалами, лежала арена.

Не та, конечно, что была в Оплоте Ветров. Скорее овальная яма в камне, метров тридцать в длину. Ступени-скамьи вырублены прямо в породе, без спинок и подушек. На них сидело человек двести.

На арене дрались двое.

Подростки лет шестнадцати.

У первого — молодая виверна. Размером с крупную собаку, крылья ещё не развились полностью, чешуя серо-зелёная, тусклая. Тварь шипела, выпуская из ноздрей тонкие струйки едкого дыма.

У второго — скорпикор.

Бой шёл аккуратно — не насмерть.

Виверна уклонялась от выпадов скорпикора, дымила в его сторону, заставляя отступать. Скорпикор кружил, пытаясь зайти с фланга и достать жалом. Оба подростка выкрикивали резкие команды.

Толпа болела за обоих одновременно — здесь, похоже, важен был не победитель, а процесс. Старик в первом ряду кричал подсказки обоим бойцам, и те слушали.

— Любительская лига, — пояснил Нойс, остановившись рядом.

— Это их звери духа?

— Нет. Но владеть зверем в таком возрасте — небывалое достижение.

— Так, чтобы не сожрали? — улыбнулся Раннер.

— Острова не прощают ошибок, — холодно заметил Нойс. — Будешь неосмотрительным — и зверь сожрёт не только тебя, но и всю твою семью.

— Поэтому здесь так много людей, — догадался я.

— Угу, бои среди подростков редки. Клановые, из элиты.

На арене виверна наконец достала скорпикора — дымная струя ударила в хитиновый панцирь, и тварь отшатнулась, скребя лапами по камню. Подросток-хозяин скорпикора поднял руку — сдаётся. Толпа заулюлюкала, кто-то швырнул на арену монету.

Победитель с виверной даже не праздновал — присел рядом с тварью, проверил чешую и осмотрел крылья. Потом достал из сумки кусок сырого мяса и скормил виверне с руки. Тварь взяла мясо аккуратно, не задев пальцев.

Дрессировка через боль? Или что-то другое? Мальчишка обращался с виверной жёстко, без нежности — но и без жестокости.

Не доверие — но и не страх.

На островах всё было сложнее, чем казалось.

Дальше шёл верхний ярус — военный и жилой для тех, кто заслужил. Здесь дома были крупнее, с дворами. Казармы укротителей — длинные приземистые здания с загонами для зверей при каждом. Из-за стен доносились рычание, шипение и лязг цепей. Тренировочные площадки — открытые каменные платформы, где укротители работали с тварями.

Мы видели, как двое мужчин тренировали молодую мантикору без крыльев, с коротким хвостом — заставляли атаковать соломенное чучело. Мантикора билась неохотно, и один из укротителей хлестнул её по крупу плетью. Тварь взвизгнула и рванулась к чучелу, раздирая его в клочья.

Стёпа сплюнул на камень.

— Это не дрессировка. Это пытки.

— Попробуй приручить мантикору лаской, — бросил Нойс, не оборачиваясь. — Она сожрёт тебе руку до локтя, прежде чем ты успеешь протянуть вторую. Здесь выживают как умеют.

Лана шла рядом со мной, и я чувствовал, что она напряжена до предела. Кулаки сжаты, челюсть стиснута, глаза прищурены — злость. Но она держала её внутри, потому что понимала: осуждать людей, живущих на границе с кошмаром — бред.

— И всё-таки это жестоко, — процедила она.

— Да, — сказал Нойс, всё так же не оборачиваясь. — Но мы живы. А те, кто пытался по-другому — нет. Кроме одного.

— Кого?

— Неважно.

За спиной Раннер вёл Нику. Гладиатор смотрел на клетки с бесстрастным выражением.

Но через три площадки мы увидели другую картину. Женщина-зверолов со шрамом через всю левую щёку, сидела на корточках перед молодым дрейком. Раненая тварь лежала на боку — с рваной раной на бедре. Женщина обрабатывала рану мазью, и дрейк, хотя скалил зубы и хрипел, не дёргался. Терпел. Между ними чувствовалось что-то — даже не доверие, а уважение к силе друг друга. Рабочее партнёрство, замешанное на крови и общих боях.

Я в очередной раз подметил, что мы слишком чужие для Юга. Их методы не для нас.

Рынок занимал целый ярус — широкую каменную террасу, нависающую над обрывом. Навесы из шкур и парусины, прилавки из ящиков и досок. Толкотня, крики и десятки запахов, одновременно бьющие по ноздрям.

Торговали всем, что давали твари.

Чешуя виверн — пластинами и россыпью, разных цветов и размеров. Красная — от огненных, зелёная — от кислотных, чёрная — от глубинных. Чешую покупали оружейники для доспехов, алхимики для зелий, строители для черепицы — хитиновая черепица не горела и держала удар.

Яды — в запечатанных склянках, с ярлыками. Мантикоры — парализующий. Василиска — разъедающий. Скорпикора — некротический.

Склянки стояли рядами, и продавец — тощий старик с одним глазом — перечислял свойства с будничным видом аптекаря.

Когти, клыки, рога — навалом, в мешках и корзинах. Рог грифонокраба — массивный, серый, из материала прочнее стали. Из таких делали наконечники для копий, и Стёпа задержался у прилавка, вертя один в руках с профессиональным интересом.

Шкуры — целые и кусками. У дрейка — чешуйчатая и гибкая, для лёгких доспехов. У вилиска — жёсткая, кислотоупорная, для перчаток и фартуков алхимиков.

Господи, да сколько тут всего!

Я шёл между рядами, и мой внутренний «хомяк» бился в истерике, подсчитывая возможности.

Чешуя красной виверны? Такое вообще может сработать на моих зверей?

Яд Мантикоры? Афина уже имеет нейротоксин. Если смешать его с местным концентратом...

Я остановился у прилавка с железами.

— Сколько за железу пещерного скорпикора? — я перехватил склянку, в которой плавал сизый, пульсирующий орган.

Торговец лениво сплюнул:

— Не для чужаков.

Афина, шедшая рядом, глухо зарычала. Полосатая тень накрыла прилавок. Торговец поперхнулся, увидев тигрицу, которая смотрела на его товар как на закуску.

— Не угрожайте... — быстро подобрался он, косясь на Нойса за моей спиной. — Если вы гости одного из местных... Два золотых.

— Один, — отрезал я, ставя флакон обратно. — И я заберу два десятка.

Старик вытаращил глаз.

— По рукам, — буркнул он.

Я кивнул Баруту. Торговец расплылся в хищной улыбке, доставая кошель. Бизнес пошёл. Пусть местные реагенты и не подойдут моей стае, но что мешает инвестировать? Вон как оживился Барут.

Ещё было мясо... Да, мясо тварей. Вяленое, копчёное, жареное на вертелах прямо у прилавков. Запах горелого мяса с перцем и серой — тот самый, который встретил нас в гавани. Оказалось, это не пытки и не мучения. Они просто могут это есть?

Барут ходил между прилавками, и глаза торговца горели азартом. Он оценивал, прикидывал и считал. Тут были товары, которые на континенте стоили целые состояния, а здесь продавались гораздо дешевле.

— Макс, — он подошёл ко мне у прилавка с чешуёй, — ты понимаешь, что тут лежит? Одна пластина красной вивернской чешуи на севере стоит золотой. Тут их продают по три серебряка. Если наладить поставки...

— Торговец в тебе не умер, да? — я усмехнулся. — Неудивительно. На юг мало кто может попасть — нам повезло, что Нойс с нами.

Гладиатор юга вёл нас дальше — мимо рынка, через казармы, на смотровую площадку на самом верху города.

Отсюда открывался вид на всё: гавань внизу, город на скалах, море с трёх сторон, и — на юге — далёкий багровый свет над горизонтом. Раскол.

— Территории охоты, — Нойс указал рукой. На западе — скальные гряды, уходящие в море островами. — Там гнёзда мантикор. За ними — вулканическая гряда, гнёзда виверн. — Рука сместилась на восток. — Мангровые заросли. Территория дрейков. Дальше — подводные пещеры, грифонокрабы.

Между городом и территориями охоты лежала широкая полоса земли, покрытая странной растительностью. Не деревья — скорее гигантские папоротники с серебристыми листьями.

— Охранная зона, — пояснил Нойс. — Ловушки, капканы, ловчие ямы. Обновляем каждую неделю. Если волна прорывает зону — звучит набат, и весь город выходит на стены. Но такое редко случается.

Афина стояла рядом со мной и смотрела на юг. Через связь от неё шло напряжение — тигрица чувствовала чужую стихийную энергию, пропитавшую скалы и воздух. Уши прижаты, хвост подрагивал.

Карц тоже нервничал — белое пламя на хвостах горело ярче обычного, и вокруг лиса воздух подрагивал от жара. Старику было плевать — росوماха лежала на тёплом камне и дремала, демонстративно игнорируя окружающий мир.

Актриса сидела на парапете и смотрела на виверн, кружащих над городом. Через связь пришёл профессиональный интерес убийцы. Рысь оценивала виверн и сравнивала с собой.

Режиссёр парил над площадкой — ветер вокруг Альфы уплотнился, и серебристая рысь висела в воздухе, не шевеля лапами. Местные, проходившие мимо, замедляли шаг и оглядывались — но без паники. Здесь видели тварей каждый день. Просто эти были крупнее обычного.

Альфа Огня остался внизу — тигр решил не подниматься на верхний ярус.

Нойс привёл нас к дому, когда солнце начало клониться к закату — мы потратили целый день, чтобы обойти этот огромный город. И все были под невероятным впечатлением.

Нас встретило каменное строение на утёсе, с видом на море. Крепкие стены, три комнаты, очаг, двор.

— Это мой дом, — просто сказал Нойс у двери. Рука легла на ручку, пальцы сжались.
— Здесь когда-то жила моя семья. Давно не был.

— Ты уверен? — уточнил я. — Мы можем снять себе комнаты.

— На островах гостям не отказывают, потому что они очень редки. Дурная примета.

Петли скрипнули. Простая мебель, пустые крюки для оружия на стене. На полке — глиняная кружка с выщербленным краем. Нойс мазнул по ней взглядом — на мгновение его лицо стало чужим — потом отвернулся и распахнул ставни.

Расселились быстро. Григор — у входа с Мораном. Раннер — с Никой во второй комнате, Шовчик у двери. Лана — у окна с мечом на коленях. Барут ушёл обратно на рынок, бормоча что-то про вивернскую чешую и торговые маршруты.

Стая заняла двор.

Афина растянулась у стены, закрыв собой половину пространства. Волчонок — рядом, прижавшись к её тёплому боку. Тигрица не возражала, только подвинула его лапой поудобнее. Потом поднялась и ушла к ограде, где с каменного парапета свисала чья-то сеть с остатками рыбы. Вернулась через минуту с двумя серебристыми рыбинами в зубах. Положила перед волчком, отступила на шаг и села, наблюдая.

Щенок обнюхал рыбу. Посмотрел на Афины. Потом осторожно подполз ближе, вытянул шею — и цапнул зубами. Промахнулся, ткнулся носом в камень. Попробовал снова. Рыбина скользнула из-под лапы, шлёпнула хвостом по морде. Волчонок подпрыгнул от неожиданности, навалился всем телом и впился зубами — на этот раз удачно. Афина дёрнула ухом и передала через связь что-то тёплое, одобрительное.

Карц лежал у противоположной стены, задрав оба хвоста — белое пламя на кончиках давало мягкий свет, от которого каменный двор выглядел почти уютно. Лис ел свою порцию мяса. Волчонок, расправившись с рыбой, подобрался ближе. Сел в полуметре и уставился на мясо.

Карц рыкнул. Волчонок отскочил. Подождал и подполз снова. Карц рыкнул громче, оскалив зубы. Волчонок отпрыгнул, но тут же вернулся — упрямый, как клещ. По связи от лиса шло раздражение, потом — удивление, а потом что-то, для чего не было слов, но что ощущалось как неохотное уважение. Он фыркнул, подвинул кусок мяса мордой в сторону щенка и отвернулся. Волчонок схватил добычу и утащил под брюхо Афины — есть в безопасности.

Маленькая победа. От Карца щенок учился наглости, и Карц это знал, и позволял — что само по себе говорило о лисе больше, чем любые мыслеобразы.

Красавчик сидел у меня на плече и нервничал. Горностаи не спускался — каждый раз, когда волчонок оказывался в поле зрения, Красавчик вжимался в мою шею, и мелкие коготки впивались в кожу сквозь ткань куртки. Щенок, в свою очередь, пялился на горностаю с тем же неподвижным, пристальным вниманием, от которого мне становилось не по себе.

— Ты чего его боишься? — пробормотал я, почёсывая Красавчика за ухом. — Он же мелкий. Мельче тебя.

Горностаи вжался ещё глубже и не ответил.

Старик лежал в дальнем углу двора, демонстративно повернувшись спиной ко всем. Росوماха на волчонка не смотрела, к еде не подходила — ела позже, когда все ложились спать. Одиночка до мозга костей.

На крыше дома, на фоне гаснущего неба, сидели двое.

Актриса — серебристый силуэт на краю парапета. Рядом — Режиссёр. Крупнее сестры вдвое. Они сидели в полуметре друг от друга, и этот полуметр был пропастью.

Через связь с Актрисой шла глубокая боль. Она смотрела на закат, а чувствовала — брата. Его свободу, которой у неё не было. Его силу, до которой ей не дотянуться. Его выбор уйти дальше — туда, где она не может следовать.

Режиссёр повернул голову и коснулся мордой её уха. Лёгкое касание кончиком носа, едва осязаемое. Через связь пришёл мыслеобраз: чувство тепла и близости. И обещание — «ты вырастешь, я подожду». Актриса дёрнула ухом, отвернулась и принялась вылизывать лапу. Куцый хвост зло стучал по камню парапета.

Она не была готова слышать. Пока — нет. Но брат не уходил, и в этом было всё, что нужно знать.

Ника вышла во двор, когда окончательно стемнело. Раннер шёл за ней, одна рука — на плече девочки, готовый подхватить в любую секунду. Шовчик — у левой ноги, серо-голубой тенью.

Девочка увидела стаю и улыбнулась — впервые за день по-настоящему, без болезненного блеска в глазах. Потянулась к Афине, потом к Карцу, потом присела перед волчонком и погладила его по голове.

Воспоминание хлестнуло наотмашь. Это произошло всего несколько часов назад.

Мы проходили мимо мантикоры в клетке — с обрезанными крыльями и ампутированным жалом. Существо, шипевшее на каждого, кто подходил ближе чем на пять шагов.

Не знаю почему, но Ника протянула руку к прутьям, и мантикора замолчала. Перестала шипеть и скалиться. Жёлтые, мутные от боли глаза сфокусировались на девочке. Тварь смотрела на Нику так, будто из-за прутьев на неё подул весенним ветром.

Шовчик зарычал.

Звук прокатился по порту низкой вибрацией — неожиданной для щенка третьего уровня. Волкодав вклинился между Никой и клеткой, шерсть на загривке встала дыбом, зубы оскалились. Не на мантикору — на Нику! Шов ткнулся мордой в живот, оттесняя девушка назад.

Раннер схватил её за плечо: «Не трогай!»

Ника отдёрнула руку, испуганная даже не мантикорой — реакцией Шовчика. Пёс не успокаивался, продолжал стоять между ней и клеткой, пока Раннер не увёл её на десять шагов.

Тогда — в порту — это выглядело инстинктом. Сейчас, вечером, во дворе дома Нойса, щенок повторил то же самое: когда Ника слишком близко подошла к клетке с Урвией - мантикорой Нойса, Шовчик встал рядом и глухо заворчал. *Мой человек. Моя стая. Осторожно.*

Пёс не сломан. В трауре — да, разбит — да. Но инстинкт защищать жив. Просто ему нужен тот, кого защищать. И он нашёл.

Нойс подошёл и сел рядом со мной на ступеньку у двери.

— Времени у вас немного. Скоро я уйду вглубь островов.

— Спасибо за всё, — кивнул я. — Ты многое дал, это точно.

— Крагнор мёртв, — сказал Нойс. — Больше мне ничего не нужно. В твоей битве я дальше не помощник.

Вечерний ветер вновь задул с юга. Мантикора в клетке подняла голову, принялась и негромко рыкнула. Нойс усмехнулся.

— Если тот дракон вернётся... — он посмотрел на меня. — Эти острова будут последними на его пути. Убей его, Зверолов, ради своих земель и жизни близких.

— Интересная у тебя позиция, Нойс, — хмыкнул Раннер. — Я вот пойду туда, к Расколу. Мне не страшно.

— А что такое страх? — гладиатор Юга холодно посмотрел на него. — Не вы одни заняты чем-то важным. Зачем конкретно идёшь ты?

— Просто хочу довести одно дело до конца. Хоть раз в своей жизни, — ответил Раннер и бросил взгляд на Нику.

Спустя несколько часов я сидел на скале за домом, свесив ноги над пропастью. Внизу плескались монотонные и злые чёрные волны. На горизонте виднелось багровое свечение Рас-

кола. За спиной — город Семи Хвостов, живой и жёсткий, полный людей, которые каждый день дерутся за право проснуться завтра.

Лана сидела рядом, с мечом Вальнора на коленях. Молчала, глядя на город внизу, на арену, на клетки в порту. Пальцы медленно сжимались и разжимались на рукояти.

— Нам точно нужен план, Макс, — вдруг улыбнулась она.

Я приобнял её и смотрел на далёкое красное море Южного Раскола.

— Да, нужно стать сильнее. Время ещё есть.

Волчонок Жизни подобрался по камням и улёгся у правой ноги. Мокрый нос уткнулся в штанину. Привычный ритуал.

Красавчик за пазухой шевельнулся, выглянул одним глазом и вновь спрятался.

— Странно всё это, — тихо сказала пантера. — Роман был сильным. Казалось, он вечный. А теперь Жнецами командует Григор. И скоро покинет нас.

— Роман сделал то, на что у других кишка тонка, — ответил я.

Вспомнил Мику. И то, как он шагнул в зелёный свет, не раздумывая.

В груди остро кольнуло.

Мы убили всех друидов, но потеряли лучших. Лекаря, Лидера, Древнего Оборотня. Равноценный ли обмен?

— Знаешь, чего я боюсь? — вдруг спросил я. — Что эта стерва, Альфа Жизни, сожжёт Нику так же, как сожгла брата. Если Альфы не дадут решения в ближайшие дни, я вырву эту силу из девчонки вместе с мясом. Больше я своих не отдам.

Лана накрыла мою руку своей ладонью.

— Ты прав. Иначе смерть Мики была напрасной.

— Ну... — я замялся. — Она уже не была напрасной. Мы живы только благодаря тому, что Альфа Жизни пробудилась и уничтожила ястреба.

Лана хотела ответить, но именно в этот момент за спиной скрипнул камень.

Тяжёлые шаги, от которых вибрировала скала под ладонями. И одновременно стих ветер. Замер на полуноте, будто воздух вокруг загустел.

Мы с Ланой одновременно обернулись.

— Зверолов, — сказал Тигр. — Ты задавал вопросы. О Расколе. О Сайраке. О том, кто он, откуда пришёл и чего хочет.

Режиссёр передал Тигру мыслеобраз — подтверждение.

— Вы заслужили наше доверие. Мы расскажем вам всё. С самого начала.

Тигр опустил на камень.

— За Расколом нет мира в вашем понимании. Нет городов и дорог. Там — Первобытная Чаша. Бесконечная экосистема чистой стихийной энергии. Не лес из деревьев...

Золото в зрачках ярко вспыхнуло. Воспоминания, от которых даже ему делалось плохо.

— ...Из потоков огня. Из рек жидкого ветра. Из гор, сотканных из земляной маны. И населяли Чашу мы — существа, которых вы привыкли называть магическими зверями. Только там мы были не зверями...

Глава 3

Голос Альфы Огня звучал тихо, оттого ещё серьёзнее. На миг показалось, что всё вокруг нас растворилось в его речи о Расколе.

— Масштаб нашего мира не способен вместить ваш разум — вообразите тайгу, простирающуюся до горизонта, а потом увеличьте в тысячу раз и замените каждое дерево столбом живого огня.

Лана рядом со мной перестала дышать. Её пальцы напряглись на рукояти меча — я это чувствовал.

— И населяли Чашу мы, — продолжил Тигр. — Существа, которых вы здесь привыкли называть «магическими зверями». Только там мы были не зверями. Мы были народом.

— Народом, — повторил я.

— Да. Разумным, со своими стаями, территориями и законами. Каждая стихия — отдельная нация, если угодно. Огненные тигры, водяные змеи, земляные медведи, ветряные рыси — все со своим укладом, своими обычаями, своей иерархией. Зверинные формы — не ограничение, а выбор. Чаша давала нам облик, соответствующий сути.

— А твоя суть — огонь, — сказала Лана.

Тигр повернул к ней массивную голову.

— Моя суть — хозяин огненной территории. Хозяинов вы называете Альфа. В Чаше у каждого участка была... душа. Живой центр, вокруг которого организовывалась энергия. Территория огня — это бесконечные равнины жидкого пламени. И каждой такой территории нужен хранитель — тот, кто поддерживает баланс и защищает границы. В вашей тайге есть понятие «хозяин леса» — медведь, который контролирует участок, знает каждую тропу. Я был таким хозяином.

— Сколько таких хозяев было? — спросил я.

— Много. Десятки огненных хранителей, десятки водяных, десятки земляных. Альфа — это уровень силы. Мы были центром, вокруг которого вращалась жизнь целого куска Чаши.

Режиссёр шевельнулся рядом. Серебристая рысь подняла голову, и по связи от него пришло ощущение простора в котором ветер не дует, а живёт.

Тигр посмотрел на него и кивнул.

— Расскажи сам.

Режиссёр повернулся ко мне и показал.

Ветряная территория. Бесконечное небо, в котором потоки воздуха сплетаются в дома. Существа ветра живут в этих потоках — являются частью движения. Ветряная рысь — не зверь, а сгусток направленного воздуха, принявший форму хищника. Хранитель территории следит за тем, чтобы потоки не останавливались, чтобы воздух двигался, а небо дышало.

Режиссёр был одним из таких хранителей. Альфа Ветра — единственная среди своей стихии, потому что ветер един. Не делится на участки и не признаёт границ.

Образ оборвался. Режиссёр опустил голову на лапы. Ветер вокруг него дрогнул, усилился на мгновение и стих.

— Чаша была домом. — Голос Тигра стал глуше. — Хищники жрали друг друга, территории воевали за ресурсы, слабых вытесняли на окраины.

Он замолчал. Тишина легла на площадку, и в ней было слышно только далёкий рокот волн и потрескивание камня, нагретого за день.

— А потом среди нас появились Сухие.

— Это ещё кто, — проворчала Лана, интуитивно прижимаясь ближе ко мне.

— Они... — продолжил Тигр. — Они — наши. Рождённые той же Чашей, из той же стихийной энергии. Только другая ветвь. Если мы — существа, которые поддерживают потоки, то Сухие — существа, которые их пожирают.

— Энергия, которая ест другую энергию, — ошарашенно сказал я, всё ещё пытаюсь уложить информацию в голове.

— Именно. Представьте зверя, который высасывает жизнь из территории, на которой стоит. Всё теряет энергию и сохнет. Поэтому — Сухие. После них остаётся пустота.

— Паразиты, — перебил я, сплюнув на землю. — Как короед в тайге. Жрёт дерево изнутри, пока оно не рухнет. У короеда есть слабость — мороз и дятлы. У этих тварей что?

— Слабость? Их голод, — ответил Тигр. — Они предсказуемы. Идут туда, где больше энергии.

— Они всегда были в Чаше?

— Были. Но немного — десятки на всю бесконечность. Чаша держала их в узде. Проблема началась, когда Сухих стало гораздо больше.

— Почему?

— Они размножались от съеденного. Чем больше пожирали — тем быстрее плодились. Замкнутый цикл, из которого нет выхода. Десятки превратились в сотни, сотни — в тысячи. Чаша не успевала восстанавливаться.

Тигр поднял голову и посмотрел на юг — на багровое зарево Раскола, едва видимое в сумерках.

— Это была... Чума. Мы пытались сопротивляться, но Сухие умели кое-что, против чего у нас не было ответа.

— Что?

— Они пожирали не только энергию территорий. Они пожирали и нас. А тех, кого поглотили — подчиняли. Существо, пожранное Сухим, теряло волю, но сохраняло силу. Становилось рабом, который охотился на собственный народ.

Наступила долгая, протяжная тишина.

— Чаша умирала, — продолжил Тигр, и голос его стал глуше. — Огромные территории превращались в пустоши. Народ бежал к центру Чаши, где энергия была плотнее, но Сухие шли следом.

Режиссёр передал мыслеобраз. Бескрайняя тёмная равнина, покрытая серой пылью. Ни огня, ни ветра, ни воды. Мёртвая земля до горизонта. А на горизонте — тысячи силуэтов, медленно движущихся в одном направлении. Просто идут. Не торопятся. От того ещё страшнее.

Лана сжала мою руку.

— И тогда, — сказал Тигр, — самые выносливые из нас сделали единственное, что оставалось. Мы продавили стену. Сотни Хранителей ударили одновременно — всем отчаянием, совместной силой стихий. И прорубили тропу.

— Раскол.

— Да, — подтвердил Тигр. — Звериная тропа. Путь бегства. Рана, которую нанесли сами себе, чтобы хоть кто-то выжил. Семь стихий ударили одновременно — и семь стихий стали замком, удерживающим трещину от полного раскрытия. Тропа вышла узкой, достаточной для отдельных существ, но не для армии.

— Почему именно сюда? В этот мир?

— Мы не выбирали... Те, кто прорвался первыми — рассеялись по этому миру. Потеряли память и ослабли. Стали тем, что люди называют «магическими зверями». Энергия, которая сочится из Раскола во время Приливов — это не природное явление. Это продолжающееся бегство. Каждый Прилив — новая волна тех, кто пытается выбраться из умирающей Чаши. И мы дали силы вам — людям. Чтобы вы нашли нас. Чтобы смогли защищаться, но вы сделали всё не так. Вы и не пытались...

— Подожди, — перебил я. — Приливы — это беглецы? Тогда почему вы атакуете человечество?

— Большинство не проходит целиком. Сила растворяется по дороге и пропитывает обычных животных вашего мира. Поэтому здесь появляются магические звери — энергия прилива входит в зверя, который может её выдержать. Но мы теряем свою суть, забываем. И срабатывают инстинкты. Этого мы не предусмотрели.

Я переваривал. Пазл, который не складывался целый год, вдруг начал обретать форму.

— Значит, вся магия нашего мира...

— Осадок от чужой миграции, — подтвердил Тигр. — Ваши магические звери — не ваши. Они — наши. Обломки народа, бегущего от гибели.

Рядом с площадкой раздался рык — Афина во дворе подняла голову. Через связь от неё пришло что-то сложное. Ощущение чего-то далёкого, огромного и забытого. Тигрица не помнила Чашу — она родилась здесь. Но энергия внутри неё помнила.

— А вы? — спросила Лана. — Вы — Альфы. Значит, вы пришли из Чащи целыми? С памятью?

— Без неё, — ответил Тигр. — Переход через Раскол отбирает силу. Чем больше существо — тем больше теряет. Хранители теряли девять десятых мощи. В Чаше я мог расплавить горный хребет одним выдохом. Здесь, после перехода, с трудом поджигал сухую ветку.

— Сколько Альф перешло?

— Сотни. Разных стихий, разных форм. Многие рассеялись по миру, затаились, приняли облик обычных зверей и жили тихо. Некоторые — пытались помогать людям, другие — прятались от них. Веками мы восстанавливали силы, набирали энергию по крупицам.

Режиссёр снова передал мыслеобраз — на этот раз мне одному. Себя — маленького и слабого. Крохотная серебристая искра, забившаяся в тело котёнка-рыси. Годы медленного роста. Память о Чаше — далёкая, размытая, но живая. Ощущение неба, которого больше нет. И потом — Удар! Пробуждение!

Всё, что было забыто, вернулось разом на Арене, и маленькая рысь стала тем, кем была всегда — Альфой Ветра, единственным хранителем бесконечного неба.

— Режиссёр. — я посмотрел на него. — Ты всегда был Альфой. Просто спал.

Рысь кивнула.

— А Альфа Жизни? — спросила Лана. — Та, что внутри Ники? Этот чёртов паразит, который убил парня!

— Моя сестра... — сказал Тигр, и голос его изменился. — В Чаше стихия Жизни была основой всего. Ткань, на которой вышиты остальные. Огонь горит, потому что Жизнь питает его. Ветер дует, потому что Жизнь движет им. Хранителей Жизни было мало — и они были... другими. Не воинами, скорее — сердцем Чащи. Тем, что поддерживало саму способность экосистемы существовать. Потому она так прячется... Поймите. Жизни нельзя умирать. Это приведёт к необратимым последствиям.

— Так она... кто? Древесный Дракон? Изумрудный? Дракон Жизни? — меня наконец прорвало. — Или просто тварь, которая забирает жизни, не думая об остальных?

Тигр взглянул на меня с печалью:

— Не имеет значения, Максим. Суть важнее формы. А суть Жизни — в бесконечном, тихом, незаметном поддержании всего, что живёт. Она может быть любой формы.

Далеко внизу волны бились о скалы.

— Когда мы бежали через Раскол, я прикрывал отход. Сестра ушла первой. Она собственным телом создала канал, по которому беглецы переходили в ваш мир. Потеряла всё, кроме искры. А спустя столетия, когда поняла, что Сухие придут... Спряталась в первом подходящем существе — жабе, которое случайно попало к мальчику-лекарю. И ждала. Годы ждала, пока не наберёт достаточно сил, чтобы проснуться.

Мика носил на плече жабу, в которой спала Альфа. И не знал этого.

— Бред, — я сжал кулаки. — Она сама сделала его лекарем, передавая силы. А потом вырвала вместе с душой. Вы тоже своего рода паразиты, тигр.

— Она не могла иначе... Это её суть. Неужели ты думаешь, что Альфа Жизни хотела этого? — Тигр говорил мягко, словно извинялся за всю свою расу. — Сайрак просто знал, как выманить сестру. Она бы никогда не лишила мальчика жизни добровольно.

Я слушал, и внутри разливался ледяной холод. Та, старая злость, когда находишь растерзанную браконьерами стоянку.

— Значит, пацан был просто фляжкой, — глухо сказал я. — Удобной походной фляжкой, которую носили до поры, а потом выплеснули содержимое, потому что пришло время большой драки.

— Максим, это жертва...

— Это расход, — отрезал я, глядя Тигру в глаза. — Не надо красивых слов. Я понимаю — вы спасали вид. Но не жди, что я буду кланяться вашей «сестре». Мика платил своей жизнью за вашу войну, не зная цены. Теперь этот долг на вас.

Тигр промолчал, принимая тяжесть моих слов.

— Ладно, — я с трудом подавил желание ударить по камню. — С мёртвыми поправляемся потом. Что Сайрак?

Тигр надолго замолчал. Белое пламя на хвостах Карца во дворе мигнуло и ненадолго погасло. Воздух вокруг Режиссёра уплотнился ещё сильнее — Альфа Ветра нервничал.

— Сайрак — Сухой, — сказал Тигр наконец. — Рождённый той же Чашей, из той же энергии. Дракон крови.

— Так он пролез через Раскол следом за вами? — вспыхнула Лана. — Вы не могли закрыть барьер?

— Боюсь, всё не так. Тадиус коснулся Раскола, потребовал силы, и дал Сайраку дорогу. И он замаскировался, принял человеческий облик — стал тем, кого вы знали как Тадиуса. Копил силы.

— Чтобы распахнуть тропу? — я встал и прошёлся вперёд, сцепив руки за спиной. — Он проводник?

Тигр поднялся на лапы.

— Раскол — узкая щель. Через неё просачивается энергия и отдельные существа. Но чтобы протащить стаю — тысячи голодных Сухих, которые выжрали всё, что осталось за Расколом — нужно разорвать щель до размеров портала. Семь стихий создали замок. Семь стихий могут его снять.

— Вот зачем ему нужны Альфы каждой стихии.

— Не просто нужны. Ему нужно использовать их — живых, подчинённых, как ключи в замке. Пять у него уже есть. Две последние он добыл на арене.

— Значит, пока вы живы — он не откроет Раскол полностью.

— Не так. Он забрал кровь каждой Альфы, этого хватит. Прилив, который приближается, сам по себе расширит тропу. Приливы — это ведь не стихийное бедствие, а попытка беглецов прорваться. Каждый Прилив трещина расширяется на время, потом сжимается обратно. Сайрак может влиять на Раскол во время Прилива — усилить его, удержать трещину открытой дольше. Он протащит через неё часть завоевателей.

И тут Режиссёр заговорил.

Голосом! Звук шёл из горла рыси — не похожий на человеческую речь и не похожий на звериный рык. Слова складывались из модуляций рычания, и понимал я их не ушами — они падали прямо в сознание.

— Но они будут слабы.

Лана вздрогнула. Я сам едва удержался — голос звучал так, будто заговорила сама ночь.

— Переход через Раскол отбирает силу, — продолжил Режиссёр, и каждое слово стоило ему усилия — рысь дышала тяжело, воздух вокруг неё дрожал и уплотнялся. — Я знаю это лучше других.

Рысь повернула серебристую голову к Тигру, потом обратно ко мне.

— Сухие, которые прорвутся через Прилив, потеряют девять десятых силы. Может, больше. Им понадобятся годы, чтобы восстановиться. Годы, в течение которых они будут уязвимы. Слабы. Почти беспомощны.

— Почти, — уточнил Тигр.

— Почти, — согласился Режиссёр. — «Почти беспомощный» Сухой всё ещё опаснее большинства местных тварей. Но — не непобедим. Не тот кошмар, что выжрал Чашу. Пока они слабы — их можно уничтожить. Если дать им время окрепнуть — будет поздно.

Тигр кивнул.

— Значит, у нас два сценария, — сказал я. — Первый: убиваем Сайрака до Прилива, он не успевает повлиять на трещину, Сухие не проходят. Второй: не успеваем, Сухие прорываются — но слабые, и мы бьём их, пока они не набрали силу.

— Да... — сказал Тигр. — Но даже ослабленные, сотни Сухих, рассеявшихся по миру... Вы не найдёте всех. Они умеют прятаться. Маскироваться. Сайрак жил среди людей, и никто не заметил. Представьте сотню таких.

— Значит, первый сценарий, — отрезал я. — Убиваем до Прилива.

— Если они пройдут, то что конкретно будут делать? — спросила Лана.

— Они просто начнут здесь то же, что сделали с Чашей. Захватить территорию, пожрать энергию, подчинить местных существ. Создать плацдарм. А потом — следующий Прилив, и ещё, и ещё, пока тропа не расширится настолько, что через неё хлынет всё, что осталось за Расколом.

— Скажите, — Лана вскинула голову. — Что насчёт меня? Народ провидцев, пантер... Истинные маги вроде Ария? В этом ведь тоже виноват Раскол?

Тигр повернул к ней массивную голову.

— Энергия Чащи, проходя через Раскол, ищет сосуд. Зверь — естественный выбор, чтобы не навредить. Но после перехода наша энергия не разумна. Она всего лишь поток. А поток течёт туда, где находит щель.

Он помолчал, подбирая слова. Режиссёр рядом чуть шевельнул ухом.

— Люди, которые слишком долго жили рядом с тем местом, где появился Раскол... Тысячи лет назад. Я не знаю точно, но, возможно, они впитали эту энергию. Каждое поколение — чуть больше аномальной силы в крови. Незаметно.

Лана даже не мигала.

— Но я скажу честно, — продолжил Тигр, и голос его стал глуше. — Мы бежали. Нам было не до наблюдений за тем, что происходит с людьми по эту сторону тропы. Детали того, как именно вы изменились — мне неизвестны. Энергия Чащи живая, и она находит путь. Ваш народ оказался на пути потока, и поток вас изменил.

Лана долго молчала. Потом медленно выдохнула.

— Что-то такое я и представляла.

Ветер с юга принёс тот самый кислый запах. Манतिकоры в городе внизу одновременно зарычали — десятки глоток, и по ярусам покатился рык.

— Сколько их? — спросил я. — За Расколом. Всего.

Тигр посмотрел на Режиссёра. Серебристая рысь передала мыслеобраз — мне и Лане одновременно. Бескрайняя темнота. Серая пустошь, в которой нет ни огня, ни ветра, ни воды. И из этой темноты — тысячи глоток, дышащих в унисон. Тысячи тел, движущихся медленно и неотвратно.

— Когда мы уходили — их было столько, что земля стонала под лапами, — сказал Тигр.
— Мы не считали. Мы бежали.

Лана выдохнула.

— И ещё кое-что, Зверолов.

Тигр смотрел на меня.

— Сайрак — тот, которого вы видели. Он разведчик.

Тишина.

— Разведчик? — Я усмехнулся, но веселья в этом не было. — Значит, мы дрались с разжиревшим авангардом. А основные силы — голодные, злые и многочисленные твари — просто ждут сигнала.

Я встал, отряхивая колени от пыли. Голова работала ясно.

— План меняется. Мы не просто «убиваем» Сайрака. Этот Дракон — не боец, он — ключ, который хочет повернуть замок. Пока он жив, он держит дверь. Если мы его прижмём, он попытается открыть её рывком, пустить сюда хоть кого-то, чтобы прикрыться мясом. Бить будем быстро.

Тигр поднял тяжёлый взгляд:

— Ты предлагаешь ударить сейчас? Во время Прилива? Мы не готовы. Много наших братьев и сестёр в его руках...

— Сайрак ждет Прилива, чтобы распахнуть ворота пошире, — ответил я, проверяя, как ходит клинок в ножнах. — Пока он готовится к ритуалу, он уязвим. Если мы будем ждать, пока вы соберете силы, он уже впустит сюда армию. Нельзя давать ему инициативу. Мы навяжем ему бой до того, как он превратит Прилив в нашествие. Пусть разница будет даже в пару секунд. Ведь мы сможем найти его там? Даже за пару минут до?

— Да, — прошелестел Режиссёр.

Лана встала рядом. Меч Вальнора с лязгом лёг на плечо.

— Я с тобой.

Тигр опустил голову на лапы. Режиссёр свернулся клубком рядом, и ветер вокруг него запел боевую песню.

— Ну и отлично, — я кивнул.

Ночь напознала с юга.

Глава 4

Я сидел во дворе, на каменной ступеньке у двери, и смотрел на небо.

Южные звёзды рассыпались по черноте незнакомыми созвездиями, которым тут наверняка давали имена местных тварей.

Воздух остыл после дневной жары, но камень под задом всё ещё излучал накопленное тепло. Из города доносились редкие звуки ночной жизни.

Волчонок устроился у моих ног. Не спал — щенок вообще спал урывками, по часу-два, а большую часть ночи просто лежал рядом, прижимаясь к ноге боком.

Голова гудела от того, что выложили Альфы несколько часов назад. Чаша — родной мир зверей. Сухие — паразиты, пожравшие их мир. Тысячи голодных тварей за Расколом, которые ждут момента прорыва.

Ладно. Раз не спится — займёмся делом.

Начал с Карца — лис был на пороге эволюции, и это надо было уладить в первую очередь.

Питомец: *Огненный копир.*

Уровень: 40.

Эволюционный индекс: D.

Характеристики питомца:

Сила: 21

Ловкость: 13

Поток: 89 (основа)

Свободных характеристик питомца для распределения: 15.

Карцу требовалось сердце нужного качества — существа D ранга, и он перешагнёт на следующую ступень. Пятую! Наконец-то! Новый скачок силы, который может оказаться критическим.

Ещё один кандидат — Старичок.

Питомец: *Таёжный Король Земли.*

Уровень: 40.

Эволюционный ранг — D.

Характеристики:

— *Сила: 55 (основа)*

— *Ловкость: 21*

— *Поток: 36*

— *Свободных очков: 18*

Тоже висел на пороге после той бойни на арене. Условия те же — сердце D ранга. Но Нойс предположил, что лучше подойдёт каменное сердце — а значит скорее Краба, а не огненной Виверны, как Карцу.

Афина не дотягивала до порога. Но Доспех Катаклизма C-ранга и так превращал её в живой танк, способный принять удар почти любого существа. На текущий момент хватит.

Актриса тоже отставала.

Что касается Красавчика...

Малыш почти не сражался на арене и отстал.

В общем... Два сильных кандидата, которым усиление было только на руку. Я слегка переживал за уровень доверия и уход за Стариком, но что-то подсказывало, что как минимум один навык удастся открыть.

— Ладно, мелкий, — я почесал за ухом моего волчонка, и щенок довольно вздохнул. — Ты пока просто расти. Успеешь ещё повоевать.

И он вдруг внезапно дёрнулся.

Резко, всем телом — будто кто-то рванул за невидимый поводок! Уши встали торчком, влажный нос задёргался, и всё тельце напряглось, как натянутая струна. Это было настолько неожиданно, что моя рука чуть дрогнула.

Щенок уставился куда-то на юг — через каменную стену двора, прямо в непроглядную темноту за городскими стенами.

— Эй, ты чего?

Волчонок не реагировал на мой голос.

Стоял, вытянувшись в струнку — мокрый нос мелко подрагивал, ловя какой-то неуловимый запах.

— У.У.У.У.У, — он негромко, отрывисто заскулил и попятился, плотно прижимаясь к моей ноге.

Чувство скрытого?

Мне хватало опыта, чтобы понять — щенок что-то засёк. Что именно — понять было невозможно, он пытался передать мыслеобраз, но не мог. Ясно одно — волчонок всерьёз боялся.

Холодок тревоги полз по позвоночнику. Я поднялся с каменной ступеньки, прошёл через пустой дом к комнате Нойса и толкнул дверь.

Гладиатор спал на каменной лежанке без матраса — привычка бойца, который не знает, где придётся ночевать завтра. Он мгновенно очнулся — рука метнулась к ножу под подушкой, тело напряглось для прыжка.

— Ты? Что случилось?

— Мой волчонок что-то почуял. На юге. Сильно тревожится.

Нойс сел на краю лежанки и протёр лицо широкой ладонью. Потом посмотрел на меня с явным скепсисом.

— Щенок? — В голосе не было насмешки, но сомнение читалось ясно. — Здесь, на островах, постоянно что-то «чувствуют». Твой зверь не с Юга. Это совершенно нормально.

— Ты уверен?

— Иногда из Раскола, конечно, вылезают всякие, — Нойс зевнул, убирая нож обратно под подушку. — Мы называем их теневиками. Эти мрази присасываются к людям. Но они слабые, практически беспомощные. Дохнут через пару дней сами, не выдерживая местного климата. Ничего серьёзного.

— Теневики, — медленно повторил я, запоминая термин.

— Именно. Если твой щенок засёк одного из них — к утру тварь сдохнет сама. Они не выживают. Ложись спать.

Нойс начал укладываться обратно на жёсткую лежанку. Я остался стоять в дверях.

— Слушай... Ты скоро уходишь, я помню. Но раз уж заговорили... Мне нужна охота. Ты говорил про виверн на южном склоне.

Гладиатор замер. Повернул голову и посмотрел на меня долгим, оценивающим взглядом — изучающе, как смотрел на противников перед боем на арене.

— Ты серьёзно? Прямо сейчас, посреди ночи?

— Нет, утром. Ты всё равно уходишь вглубь островов на свои дела — южный склон лежит по пути, так? Может что подскажешь по пути.

Нойс помолчал, потом коротко усмехнулся — одним уголком рта.

— Последняя охота перед расставанием. Ладно, проведу, северянин. Будь готов к рассвету.

Рассвет на островах не заливал небо привычным золотом — солнце выползло из-за плотной стены туч нехотя, с видимым усилием, и первый час дня проходил в мутных сумерках.

Я собрал ударную группу во дворе.

Стёпа стоял с копьём на плече, свежая повязка на ноге туго стянута, глаза ясные и сосредоточенные.

Нойс рядом с мантикорой, лицо каменное и непроницаемое. Моя стая — в потоковом ядре, кроме Афины, которая шла рядом со мной, и волчонка. Пусть малец привыкает.

Остальные оставались в доме.

— Григор, ты за старшего, — сказал я у двери, глядя на бывшего отшельника. — Раннер, с Ники глаз не спускай ни на секунду. Если начнётся приступ — зови Лану. Лана...

Она стояла в дверном проёме, меч Вальнора перекинут через плечо. Глаза сердитые. Каждая мышца в её теле напряглась от желания идти вместе с нами. Она хотела охоты, боя, действия — всего, что отвлекло бы от мыслей.

— Мне нужно, чтобы ты была здесь, — сказал я твёрдо. — Если с Никой что-то случится — ты единственная, кто сможет удержать ситуацию под контролем, пока Раннер будет паниковать. Понимаешь о чём я?

Лана стиснула зубы до скрежета. Затем коротко кивнула — как солдат, получивший приказ.

Альф тоже пришлось оставить.

— Если потащим этих тварей на обычную охоту — каждая тварь в радиусе километра почувствует его энергетическое давление и уйдёт в глубокие норы, — пояснил Нойс. — Виверны не дураки. Не будут атаковать то, что оставит от них пепел. Охота с этими двумя обречена на провал.

— Ты уверен? В смысле... Даже Режиссёр? — спросил я.

— Особенно он. Виверны почуют подвох — они ведь тоже летают. Не недооценивай их, Макс.

Режиссёр сидел на плоской крыше дома и смотрел на нас сверху вниз. Через ментальную связь от него шло понимание и согласие. Рядом с ним, на каменном парапете, лежала Актриса. Рысь делала вид, что ей совершенно всё равно, но уши дёргались при каждом слове.

Я поднялся на крышу по приставленной к стене лестнице. Актриса не повернула головы, но напряглась.

— Послушай, девочка, — сказал, присев рядом с рысью на тёплые камни. — Ты злишься. Я это знаю и понимаю.

Она не шевелилась. Хвост сердито стукнул по камню один раз.

— Но сегодня ты идёшь с нами. Не твой брат — именно ты. Потому что мне нужен тот, кто умеет прятаться в тених, подкрадываться незаметно и бить точно в момент, когда враг этого не ждёт. Это ты умеешь лучше всех в стае. Понимаешь?

Через ментальную связь от Актрисы пришёл сложный клубок эмоций — обида, гордость, робкая надежда, злость на собственную слабость. Рысь медленно повернула голову и посмотрела на меня. Потом зевнула, поднялась на лапы и прыгнула с крыши во двор. К остальной группе.

Режиссёр на крыше передал мне короткий мыслеобраз. То время, когда тёрся об мою ногу. Тёплое время.

— Не уверен, что мне просто принять это, братец, — выдохнул я.

— Мррррау...

— Пока.

Южный склон начинался за широкой полосой искусно замаскированных ловушек, которые местные жители выкопали для защиты от набегов диких тварей.

Нойс уверенно провёл нас через эти препятствия — ставил ногу точно между скрытыми ямами.

Мантикора ступала след в след за хозяином, массивные лапы легко попадали в безопасные места.

Стёпа шёл за мантикорой, закинув щит за спину, а я замыкал колонну.

Афина двигалась рядом со мной. Волчонка я нёс на руках — его короткие лапки не выдержали бы нашего темпа. Да, мог бы убрать в ядро. Можно было бы посчитать меня сентиментальным, но мне нравилось трогать этот маленький комочек шерсти, который то и дело лизал меня в щёку.

Будто не волк, а пёсик. Может назвать его «пёсик»?

За буферной зоной мир резко изменился.

Растительность полностью исчезла. Голый чёрный камень раскинулся до горизонта. Под ногами хрустела спёкшаяся вулканическая порода — каждый шаг отдавался жаром через толстые подошвы сапог. Вдалеке, на фоне неба, поднималась зубчатая линия вулканических пиков — чёрные конусы, из которых тянулись в небо тонкие нити дыма.

— Территория виверн, — сказал Нойс, не сбавляя темпа. — Огненная разновидность. Молодняк обычно не опасен для Южан и... Кхм, для тебя. А вот вожаки поопаснее. Старые и опытные твари. Простые Звероловы тут бы давно сдохли.

— Сколько особей обычно в гнезде?

Нойс потянулся к поясу за флягой, сделал глоток и вытер губы тыльной стороной ладони. На коже остались белёсые разводы — соль от пота.

— Шесть молодых и вожак. Молодёжь — первая линия обороны. А вожак держится в центре. Хитрые твари. Молодняк кидается на всё подряд. Но стоит им заскулить — вожак вылетает как сама чёртова смерть.

Он замолчал, разглядывая дно фляги на просвет.

— Они всегда огненные? — уточнил я. — Просто у нас...

— Забудь, что происходит у вас на континенте, — резко перебил Нойс — в голосе послышалась знакомая нотка раздражения. — Наши твари другие. Если это виверна — то это пламя. И точка.

Он сплюнул в сторону.

— Они не владеют стихией, понимаешь? — добавил уже спокойнее.

— В смысле? — я наклонился ближе, чувствуя, что сейчас услышу что-то важное.

Нойс провёл рукой по шраму на предплечье.

— Это в их природе. Они созданы так, что могут дышать огнём. Как птица может летать, а рыба — плавать. Органы есть специальные, железы. Чистая физиология, без всякой магии. Так же как скорпиоры владеют ядом — у них просто есть ядовитые железы, и всё.

— Да что у вас за Раскол-то такой, — выдохнул я, ощущая, как привычный мир рушится под весом новых фактов.

Гладиатор криво усмехнулся.

— А никто не знает, почему так, — он пожал плечами и закрутил пробку фляги. — За тысячи лет люди перестали задавать вопросы. Просто живём с тем, что есть. Твари приходят такими — значит, так надо. Даже не всегда атакуют — заселяют территории и плодятся. А мы позволяем, потому что используем их по полной. Хитин, железы, яды — всё идёт в дело. Раскол приводит их такими — значит, в этом есть смысл. Хотя какой смысл в том, что псы умеют выплёвывать кислоту, а ящерицы — ходить по потолку?

Он встал, отряхнул каменную пыль и посмотрел на горизонт, где дымились дальние вершины.

— Зато охотиться интересно, — добавил он с мрачной усмешкой. — Никогда не знаешь, чем тебя угостят.

Стёпа поправил хват на древке копья.

— Так что делать? Прямая атака в лоб? Не самоубийство?

— Чистое самоубийство, — подтвердил Нойс. — Шесть молодых виверн в координированной атаке вымотают кого угодно. А старый вожак знает все тактики охотников — у них это словно по памяти какой-то передаётся.

Я обдумывал варианты на ходу. Карц владел белым пламенем — особой разновидностью огненной стихии. Виверны тоже огненные существа, их основная атака зависела от контроля над воздухом вокруг цели. Кислород служил топливом для их пламени. Убери кислород из зоны боя...

— *Карц*, — позвал через ментальную связь.

Лис откликнулся из потокового ядра.

— *Твоя белая аура на полную мощность. Она выжигает кислород в большом радиусе. Будь готов, если что. Копи заряд.*

Огонь без кислорода не существует — это закон физики, одинаково справедливый и в этом мире. Раз виверны — огненные существа, то нужно просто лишить их кислорода.

— Нойс, — сказал я. — Если лишить виверн...

— Стой, — Нойс резко поднял руку, останавливая нас за пятьсот метров до предполагаемого гнезда.

Мы укрылись за гребнем застывшей лавы. Впереди, в дрожащем от жара мареве, виднелись чёрные пики.

— Прежде чем мы сунемся в пекло, северянин, послушай меня внимательно, — голос гладиатора был сухим, как местный воздух. — Ты смотришь на них и видишь ящериц с крыльями. Это ошибка.

— Ты даже не дал мне договорить... Скажи, у них есть слепая зона? — спросил я.

— Нет у них слепых зон, — сплюнул Нойс. — У них коллективный разум улья, хоть и примитивный. Если одна видит тебя — видят все. Но главное не это. Их пламя. Это не просто огонь, Макс. Это ещё и вязкая слизь. Если попадёт на кожу — водой не смоешь, будешь гореть до кости, пока не вырежешь кусок мяса.

Стёпа нервно сглотнул. Я кивнул. Жидкое топливо. Значит, процесс горения сложнее.

— Слабые места? — спросил я. — У любой твари должны быть.

— Да, крылья, — ответил Нойс. — Перепонки тонкие. Если заземлить — они становятся неуклюжими. На земле они медленные, но... злые. И ещё: они ненавидят холод. Но у нас тут, как видишь, это знание бесполезно.

— У меня есть идея, — сказал я, глядя на Карца. — Послушай. Огню нужен кислород. Мой лис умеет его выжигать. Они откроют пасти, чтобы плюнуть, а гореть будет нечему. Они задохнутся и запаникуют.

Нойс посмотрел на меня как на умалишённого.

— Ты хочешь лишить дыхания тварей, которые живут в вулканических газах? — он хмыкнул, но в глазах мелькнул интерес. — Звучит как бред сумасшедшего. Мне нравится. Но учти: если это не сработает, у нас будет ровно три секунды до того, как этот склон превратится в побоище.

— Проверить-то можно? — отрезал я. — Идём.

— У нас явно методы отличаются, — усмехнулся Стёпа.

— Не думайте, что вы особенные, — гладиатор сплюнул на землю. — У нас тоже есть легенда. Этот мужик расскажет тебе о твоём звере больше, чем ты сам знаешь.

— Что за мужик? — спросил я.

— Его зовут Рик. Очень серьёзный человек, но вам к нему не попасть, и не думайте.

— Это ещё почему? — хмыкнул Стёпка.

— Потому что вас убьют быстрее, чем вы чихнёте, — мрачно сказал Нойс.

— Тот самый, о котором ты говорил? У которого другой подход? — уточнил я.

— Запомнил? — гладиатор кивнул. — Лучше его не трогать.

— Как скажешь, — я пожал плечами.

Вскоре мы добрались.

Заняли позицию на уступе над гнездом, прижимаясь к нагретому солнцем камню. Вулканическая порода под ладонями была шершавой, с острыми гранями, которые оставляли следы на коже. Воздух пах серой и застарелой кровью. Судя по всему — характерный аромат логова виверн.

Внизу, в каменной чаше размером с небольшой стадион, кипела жизнь. Шесть молодых особей грызлись за полуразложившуюся тушу какого-то несчастного краба-мутанта.

Их чешуя переливалась багровыми и золотистыми оттенками, крылья были сложены за спинами. Когда они рвали мясо, слышался мокрый хруст костей и злобное сипение.

Настоящие дикие твари. Огромные, мать их... Аж пробрало.

Вожак дремал на возвышении в дальнем конце чаши. Старый, покрытый шрамами, с гребнем, обломанным в бесчисленных боях.

Виверна. Аномальное существо.

Уровень: недоступен.

Эволюционный ранг — недоступен.

Я невольно затаил дыхание. Это ещё что? Да что на Юге за Раскол, что моя система не может ничего показать?

От вожака исходила такая плотная, осязаемая угроза, что воздух вокруг него словно дрожал от жара. Афина в ядре недовольно заворчала — инстинкт хищника, чующего равного противника.

Ладно, понимаю, девочка. Они опасны. Будем действовать по плану. Настоящая охота без подсказок.

— Карц, — шепнул я, чувствуя, как пот стекает по спине под кожаной курткой. — Давай. Максимальная тяга.

Лис бесшумно выскользнул на край уступа.

Белое пламя вспыхнуло вокруг него холодным сиянием... и тут же стало невидимым. Он начал «пить» воздух, создавая вакуумную воронку. Я чувствовал, как воздух рядом с нами становится разреженным, в ушах заложило от перепада давления.

Эффект проявился почти мгновенно.

Звуки внизу стали приглушёнными, словно доносились через толстое стекло.

Молодняк перестал визжать — их голоса превратились в беззвучное шипение. Одна из виверн раскрыла пасть, пытаясь рыкнуть, но вместо оглушительного рёва вырвался только сиплый, жалкий свист. Оранжевое пламя в их глотках замигало и погасло — огню нечем было дышать.

— Работает! — прошептал Стёпа, сжимая рукоять копья.

Твари внизу начали метаться в панике.

Их массивные тела неуклюже врезались друг в друга. Они отчаянно хлопали крыльями, поднимая тучи пыли и мелких камней, пытаясь взлететь, но разряженный воздух не мог удерживать их полутонные туши. Один из молодых самцов забился в конвульсиях, царапая когтями собственную грудь — инстинкт говорил ему дышать огнём, но лёгкие хватали пустоту.

Я уже открыл рот, чтобы скомандовать атаку, когда всё полетело к чертям.

Вожак открыл глаза.

Медленно, словно просыпался после приятного сна.

Веки приподнялись, обнажив огромные и умные жёлтые зрачки, полные холодной ненависти.

Он не стал пытаться дышать огнём, как его потомство.

Он не стал бесполезно хлопать крыльями.

Старая тварь просто повернула массивную голову и посмотрела прямо на нас, на наш укрытый уступ. В его взгляде был только расчёт опытного убийцы, который прожил достаточно долго, чтобы столкнуться с любыми трюками.

— Он нас видит! — рявкнул Нойс, инстинктивно отступая на шаг.

Я чувствовал, как волосы на затылке встали дыбом.

Вожак поднялся на лапы и набрал полную грудь — нет, не воздуха, нет!

Его шея неестественно раздулась, выпятив скрытые мешки под чешуёй.

— У него запас горючей смеси внутри! — заорал я. — Карц, уходи! НЕМЕДЛЕННО!

Поздно.

Вожак откинул голову назад, набирая инерцию, и выплюнул сгусток чёрной жижи без огня. Просто плевок концентрированного напалма размером с винную бочку.

Вязкая масса летела по дуге, оставляя в воздухе едкий химический след.

Шлёп!

Жижа накрыла Карца и камни вокруг него, растекаясь липкой плёнкой. Лис завизжал от ярости и отвращения. Шерсть почернела.

А следом виверна небрежно щёлкнула зубами, высекая искру размером с молнию.

БА-БАХ!

Взрыв оглушил. Ударная волна сбила меня с ног, заложив уши ватой.

Вакуум не спас — химическая реакция была автономной — не зависела от кислорода.

Оранжево-красный гриб поднялся на двадцать метров вверх, камни плавились и текли ручьями лавы. Аура Карца схлопнулась, как лопнувший пузырь, и свежий воздух со свистом и рёвом рванул обратно в низину, поднимая вихрь пепла и раскалённых осколков. Лис был жив, вильнув в сторону — но его зацепило.

— СТАЯ! — заорал я, перекатываясь через плечо, пока камни вокруг превращались в оплавленную стеклянную массу. Жар обжигал лицо, куртка дымилась. — Все наружу!

Больше никакой элегантности. Теперь нужна была кувалда.

Три метра чистой полосатой ярости материализовались прямо в прыжке.

— RRRRRPAU! — Афина обрушилась на ближайшую молодую виверну с рыком, который заставил задрожать каменные стены.

Тонна на тонну. Виверна попыталась встретить её когтями, но Афина была быстрее — она вдавила противника в камни всей своей массой, челюсти сомкнулись на горле твари с хрустом позвонков.

Получено опыта: 100 000

Уровень питомца повышен (35)

Актриса, моя тень, тоже появилась уже в движении. Рысь скользнула по отвесной стене, словно гравитация для неё была лишь предложением. Она двигалась бесшумно, заходя во фланг второй виверне — когти выпущены, глаза горят огнём охотника.

Старик упал с неба тяжёлым серым камнем. Удар его лап о каменный пол разнёс осколки в радиусе трёх метров. Не теряя ни секунды, он вгрызся стальными зубами в лапу второй твари.

— Стёпа, держи левый фланг! — рявкнул я, доставая нож. — Нойс, гаси молодняк! Вожак мой!

И начался настоящий ад.

Молодые виверны, получив воздух обратно, тут же превратили каменную расщелину в плавильную печь. Струи оранжевого пламени хаотично били во все стороны, превращая стены в текущую лаву. Температура подскочила до нестерпимой, я чувствовал, как волосы на руках опаляются и скручиваются. Воздух дрожал от жара, дышать стало нечем.

— Афина! — скомандовал я, уклоняясь от брызг расплавленного камня.

Тигрица мгновенно активировала «Доспех Катаклизма».

Вихрь ветра и молний окутал её полосатое тело, создавая защитный барьер. Когда струя напалма ударила в этот щит, пламя разлетелось веером, окрашивая стены в золотистые разводы. Тигрица стояла в центре огненного торнадо, как богиня войны, принимая на себя основной урон и прикрывая нас.

Нойс с мантикорой работали как настоящая смертоносная пара, которая идеально знает друг друга. Чувствует.

Гладиатор Юга сформировал какой-то знак пальцами, и его вновь накрыла аура скорости.

Мантикора била хвостом с точностью снайпера, её жало пронзало чешую молодых виверн и впрыскивало паралитический яд прямо в кровь.

Нойс добивал беспомощных противников короткими ударами клинка в глазницы и основание черепа — быстро, эффективно, без лишних движений. Гладиатор двигался с пугающей скоростью, уходя из-под потоков огня перекатами и скачками, его чёрная броня дымилась, но держала.

Стёпа отчаянно махал двухметровым копьём, держа в узде двух виверн на левом фланге. Он развил феноменальную скорость, отвлекая их на себя, но достать — не мог. Пот лился с него ручьём, лицо покраснело от напряжения.

Но главной проблемой оставался вожак.

Древняя тварь взлетела, несмотря на свои размеры и массу.

Её крылья, каждое размахом больше десяти метров, рассекали воздух с рёвом урагана. Перепончатая плоть, иссечённая шрамами, натягивалась между костяными каркасами с мокрым звуком парусов на ветру. Она кружила над нами, как гигантский стервятник, поливая наши позиции концентрированным огнём.

Жар ударил между лопаток волной расплавленного металла. Кожаная куртка мгновенно задымилась и пузырилась, кожа под ней покрылась мелкими ожогами. Каждый её заход превращал участок пола в озеро лавы, от которого поднимались ядовитые пары серы и расплавленного базальта.

— Макс! — крикнул Стёпа, прикрываясь щитом от брызг расплавленного камня.

Взгляд упал на Старика. Росомаха только что перекусил сухожилие одной из виверн и теперь отряхивался от копоты. Его серая шерсть почернела и опалилась, но в маленьких глазках-бусинках горела неугасимая ярость.

— *Старик!* — я ментально ударил по связи, передавая чёткий образ того, что задумал. — *Прижми эту птичку к земле! Но меня не трогай!*

Росомаха подняла окровавленную морду.

Таёжный Король широко расставил короткие лапы и упёрся когтями в каменный пол.

Воздух содрогнулся, и виверна резко просела в полёте. Её крылья затрепетали, борясь с невидимой силой, которая давила сверху. Костяные каркасы крыльев скрипели под нагрузкой, перепонки натягивались до предела.

Я активировал «Лёгкий Шаг» и рванул вверх по каменной стене.

Взмыл вверх как пуля, сердце колотилось в горле от адреналина. Нож зажёгся пламенем. Огненная аура протянулась на полметра от стали.

Виверна падала прямо на меня, её огромная туша не могла сопротивляться прессу росوماхи. Десятиметровый размах крыльев стал проклятием — слишком большая площадь для давления. Жёлтые глаза расширились от ярости и удивления. Добыча сама летела ей навстречу!

Мы столкнулись в воздухе с грохотом падающего дерева.

Я обхватил её шею одной рукой, впиваясь пальцами в жёсткие чешуйки. Виверна дёрнула головой, пытаясь сбросить меня, её клыки щёлкнули возле моего лица. Серная вонь из пасти обожгла ноздри.

Пламенный клинок вошёл в шею, прорезая чешую, как нож масло. Кровь брызнула фонтаном, обдав меня горячими брызгами. Но тварь была живуча — рана затягивалась прямо на глазах.

— Не так-то просто! — прохрипел я, уворачиваясь от очередного укуса.

Виверна резко перевернулась в воздухе, пытаясь стряхнуть меня. Гравитация Старика давила на неё сильнее, но я чувствовал, как поле аккуратно обтекает мое тело. Земляной Король удерживал тонкий баланс — достаточно силы, чтобы лишить виверну маневренности, но не настолько, чтобы раздавить нас обоих.

Я перехватил меч в обратном хвате и...

Не успел!

Мы рухнули вниз, сплетённые в смертельных объятиях.

Проклятье!

Я едва успел оттолкнуться от туши за миг до удара о землю, активируя «Лёгкий Шаг».

БАБАХ!

Виверна врезалась в скалу всем своим гигантским весом. Звук был такой, словно мешок с мокрым песком сбросили с небоскрёба. Камни брызнули во все стороны шрапнелью.

Я приземлился в перекате, сдирая кожу на локтях, и тут же вскочил.

Тварь была ещё жива.

Сломанные крылья, перебитый позвоночник — и всё равно она пыталась подняться.

Вожак хрипел, пузырясь кровавой пеной, и поворачивал голову ко мне. Его пасть открылась. В глубине глотки разгорался последний, суицидальный огонёк. Он собирался взорвать остатки своей внутренней химии прямо здесь, забрав меня с собой.

И тут из облака пыли, поднятого взрывом, вырвалась белая молния.

Карц.

Он выглядел жутко. Шерсть была опалена и слиплась от чёрной жижи. Хромал на переднюю лапу, его бок дымился. Но в глазах горело такое чистое, концентрированное бешенство, что даже виверна на миг замерла.

Лис огненной стрелой влетел в тварь.

С диким, визгливым лаем впился прямо на морду поверженного гиганта.

Виверна клацнула челюстями, пытаясь перекусить наглеца, но Карц увернулся в воздухе, оттолкнувшись от её же носа, и вцепился зубами прямо в открытую рану на шее.

И Карц не нуждался в приказе.

Его белое пламя вспыхнуло прямо в пасти вожака, когда он вгрызся в плоть. Лис впустил свою стихию внутрь врага, прямо в горячие железы виверны.

Белый огонь против грязной химии.

Вязкая жижа стала идеальным топливом для стихии Лиса. Пламя Карца нашло самый богатый источник пищи и мгновенно сожрало его вместе с носителем.

Виверна выгнулась дугой в последней агонии. Её глаза вспыхнули внутренним белым светом.

Из пасти вырвался столб белого пара.

Секунда — и массивная туша обмякла, рухнув на камни кучей опалённого мяса.

Карц разжал челюсти и спрыгнул с трупа. Его шатало. Он отряхнулся, разбрызгивая чёрную кровь и сажу, и посмотрел на меня.

Я подошёл, перешагивая через дымящийся хвост виверны, и опустился на одно колено перед лисом.

— Ты как, боец? — протянул руку, касаясь его головы. Шерсть была горячее, как печка.

Лис ткнулся мокрым носом мне в ладонь и коротко твякнул. *Живой. Моё.*

— Твоё, — подтвердил я, поднимая нож. — Сердце по праву твоё.

Быстро вскрыл грудину твари. Сердце вожака ещё пульсировало остаточным жаром, и я вырезал его.

— Проведём эволюцию в безопасном месте, дружище.

Стёпа подошёл ближе, глядя на лиса с опаской и уважением.

— Никогда не зли мелких, — пробормотал он, вытирая пот со лба. — Карц, да ты отморозок.

Парень опустил щит и тяжело привалился к древку копья.

Нойс пнул обугленную лапу виверны из молодняка, проверяя, мертва ли она окончательно.

— Грязно, — констатировал он с той же кривой усмешкой. — Рискованно. Твой план с кислородом пошёл псам под хвост. Твой лис чуть не сдох. Ты чуть не спёкся.

Он посмотрел мне в глаза.

— Но мы живы, а они — нет. Хорошая охота, северянин. Немногие укротители Юга могут похвастаться таким результатом. Это было очень сильное гнездо. Возможно, в тебе течёт кровь южанина.

— План живёт только до первого удара врага, — я сплюнул пепел и кровь, вытирая лицо рукавом. — Жёстко у вас. Карц, давай в ядро. Восстановись.

Лис гордо поднял оба хвоста, рыкнул что-то одобрительное и растворился.

— Нужно разделать туши, — кивнул Нойс. — Тут много полезного.

Я уже было собрался ответить, но...

В этот момент волчонок, которого я предварительно спрятал в ядре — заскулил.

Так протяжно, что я мгновенно призвал его.

Щенок тут же рванулся наружу, вывалился на острые камни и замер в характерной стойке — тело вытянуто в струну, нос направлен строго на юг. Та же реакция, что ночью во дворе. Уши торчком, мышцы напряжены, влажный нос мелко дрожит, ловя неуловимые запахи.

Только сейчас интенсивность реакции была в разы сильнее. Щенок не просто тревожился — он протяжно и жалобно скулил. Пятился назад, прижимался животом к земле и снова вытягивался в сторону юга. То, что он засёк, было ближе.

Гораздо, гораздо ближе.

— Нойс, — сказал я, глядя на дрожащего щенка. — Тот теневи́к, о котором ты говорил. Который должен был сдохнуть к утру...

Гладиатор посмотрел на волчонка, потом перевёл взгляд на юг, в сторону, куда упорно тянулся зверёк. Выражение лица не изменилось, но рука инстинктивно легла на рукоять клинка.

— Бывает, что некоторые недохнут, — медленно произнёс он. — Редко, но случается. Если им удастся найти подходящий источник питания.

— Чем именно они питаются?

— Что найдут. Но плохо, что он жив — что-то не так.

Я смотрел на волчонка. Щенок настойчиво тянулся на юг всем телом, игнорируя собственный страх. Навык вёл его к источнику угрозы, и зверёк одновременно хотел бежать туда и боялся того, что найдёт.

— Да, — сказал Нойс твёрдо. — Идём. Куда смотрит стража?! Далеко от города?

Волчонок передал образ — *нет*.

Мы двинулись на юг, следуя за волчонком. Маленький, тощий щенок бежал впереди нашей группы и уверенно вёл нас, не сбиваясь с курса.

Я решил пойти по одной простой причине — это раскроет мне навык моего зверя, и это было чертовски важно.

Ландшафт постепенно менялся. Чёрный вулканический камень южного склона плавно переходил в каменистую равнину, покрытую толстым слоем серой пыли. Пепел? Нет, структура другая. Порода, размолотая в мельчайший порошок.

Мёртвая пыль.

— Здесь вообще ничего не растёт, — заметил Стёпа, поддев носком сапога серую массу. — Даже самой жалкой травинки нет.

Нойс внимательно осматривал окрестности. Хмурился всё сильнее.

— Очень странно. Раньше тут были заросли серебристых лишайников. И множество гнезд кракелюров. Целые колонии.

Лишайников и в помине не было. Кракелюров — тоже. Голые камни словно вычистили до идеальной стерильности.

Волчонок ускорился. Скулёж стал громче и настойчивее. Навык тянул его вперёд неумолимо, и я шёл следом, держа остальную стаю в ядре наготове — кроме Афины, которая двигалась рядом и настороженно принимала.

От тигрицы шло вязкое напряжение. Она ощущала что-то глубоко неправильное в самой атмосфере этого места.

Мёртвая зона разрасталась по мере нашего продвижения. Двадцать метров стерильности. Пятьдесят. Потом и сотня.

Ни единого живого существа! Даже камень выглядел по-другому — весь покрытый сетью мелких трещин, будто из него высосали всю влагу и жизненную силу.

— Нойс, — сказал я. — Обычные теневики, которых вы находите на островах. Они оставляют после себя такие обширные зоны опустошения?

Гладиатор остановился как вкопанный и медленно осмотрелся вокруг. Впервые за всё время нашего знакомства на его лице промелькнуло выражение, отдалённо напоминающее тревогу.

— Обычные теневики — никогда, — сказал он тихо. — Мелкие твари оставляют крохотные пятна мёртвой земли — метр, может два. Засохший куст, пара дохлых ящериц. А это... — он обвёл рукой бескрайнюю мёртвую равнину, — ...такого я в жизни не видел.

Волчонок внезапно остановился.

Посреди выжженной пустоши, в самом её центре, располагался идеально ровный круг голой породы — метров десять в диаметре.

Камень здесь был уже белым.

Трещины прорезали его до самого основания, но из них не поднималось даже намёка на пар, хотя вся окружающая местность была вулканической зоной.

Абсолютно мёртвая земля.

И в самом центре белого круга сидело нечто.

Маленькое существо — размером с крупную кошку, может чуть больше.

Первое, что бросалось в глаза — полное отсутствие стабильной формы.

Тварь выглядела так, будто кто-то пытался слепить зверя из густого чёрного дыма, но бросил работу на половине. Контуры постоянно плыли — то проступали смутные очертания ящерицы с костяным гребнем на спине, то расплывались в бесформенное пятно тьмы.

Четыре лапы — или шесть? Один хвост — или два? Морда вытянутая, с чёрными провалами вместо глаз.

И пасть... которая то раскрывалась, то затягивалась обратно, будто существо забывало, как ею пользоваться.

Тварь отчаянно пыталась принять какой-то узнаваемый облик местного хищника — дрейка? скорпикора? — но не могла удержать выбранную форму.

Очертания перетекали, менялись, искажались каждые несколько секунд.

Недоделанная театральная маска, которая постоянно сползала с лица актёра.

Жалкое создание. Маленькое и практически беспомощное на вид.

И вокруг него — десять метров совершенно стерильной земли.

Мантукора Нойса отступила на три шага назад.

Зверь, который без страха сражался с вивернами стаями, попятился и глухо зарычал, прижимая уши к черепу.

Афина рядом со мной окаменела. Через ментальную связь шло не просто напряжение — что-то намного глубже.

Древнее узнавание на уровне инстинкта, записанное в стихийной энергии, которая досталась ей в наследство от мира Чаши.

Тигрица знала, с чем мы столкнулись. Всем своим нутром.

Через пакт мне передалось рычание Режиссёра.

МАКС! — голос Тигра взревел в голове. — *НЕТ!*

Стёпа побелел как мел и переменял хват на копье, прикрываясь щитом.

— Что за мерзость?

Нойс молчал. Рука замерла, взгляд неотрывно следил за тварью. На лице гладиатора читалась полная растерянность. Теневик? Нет, определённо нет.

Это нечто совершенно иное.

В памяти всплыли слова Альфы Огня.

«После Сухих остаётся только пустота. Выжранная, мёртвая земля, где большие ничего и никогда не вырастет. Поэтому мы и называем их Сухими.»

«Сухие рождаются в облике, который точно отражает их внутреннюю суть — поглощение всего живого. Пасть, когти, бесконечный голод. Ничего кроме этого.»

«Переход через барьер Раскола отбирает у них огромное количество силы. Понадобятся годы, чтобы восстановиться до исходного состояния. Пока что они почти беспомощны.»

Почти беспомощны.

Существо медленно повернуло голову — чёрные провалы вместо глаз нашли меня среди группы.

Внутри этих провалов шевелилось что-то, от чего волчонок у моих ног тонко и жалобно завыл, забившись под защиту Афины.

Я ощутил бездонный тупой голод, не ведающий понятия насыщения.

— Сухой.

Это Сухой!

МАКС! УХОДИТЕ ОТТУДА! МЫ ИДЁМ!

Тварь вдруг замерла. Перестала пытаться принять стабильную форму и застыла черным пятном на выбеленном камне.

Провалы вместо глаз сфокусировались на нашей группе.

Черный дым, из которого состояло тело твари, вдруг сжался в плотный сгусток — и выстрелил в нашу сторону.

Это было невероятно быстро даже для меня.

Сухой превратился в стрелу живой тьмы, мгновенно преодолевшую расстояние между белым кругом и нашей группой.

Я успел только дёрнуть плечом, закрывая собой щенка. Нойс среагировал быстрее. Его клинок рассёк воздух, встречая тёмный сгусток.

Бесполезно.

Сталь прошла сквозь дым, не встретив сопротивления. Тьма просто обтекла лезвие, проигнорировала блок и ударила гладиатора в лицо.

Гладиатор даже не вскрикнул.

Тьма жадно влилась в него через открытый рот, ноздри, глаза — через всё, куда могла просочиться.

Нойс дернулся всем телом, выгнулся дугой, и на мгновение его собственная тень на камне засветилась изнутри зловещим фиолетовым свечением.

Потом он выпрямился.

И повернул голову в мою сторону.

— Да чтоб его... Нойс? — сказал Стёпа неуверенно, не понимая, что произошло.

Существо в теле гладиатора дёрнуло головой. Движение было резким, птичьим — человеческие шеи так не двигаются.

Лицо Нойса расслабилось. Исчезли морщины, ушло напряжение бойца.

Осталась абсолютно гладкая, пустая маска.

Он медленно поднял руку, осмотрел свои пальцы, сжал и разжал кулак, проверяя моторику.

— Сильный... — голос Нойса звучал плоско, словно кто-то бил по сырому мясу. — Годится.

Он перевел взгляд на меня.

И меня пробрало до дрожи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.